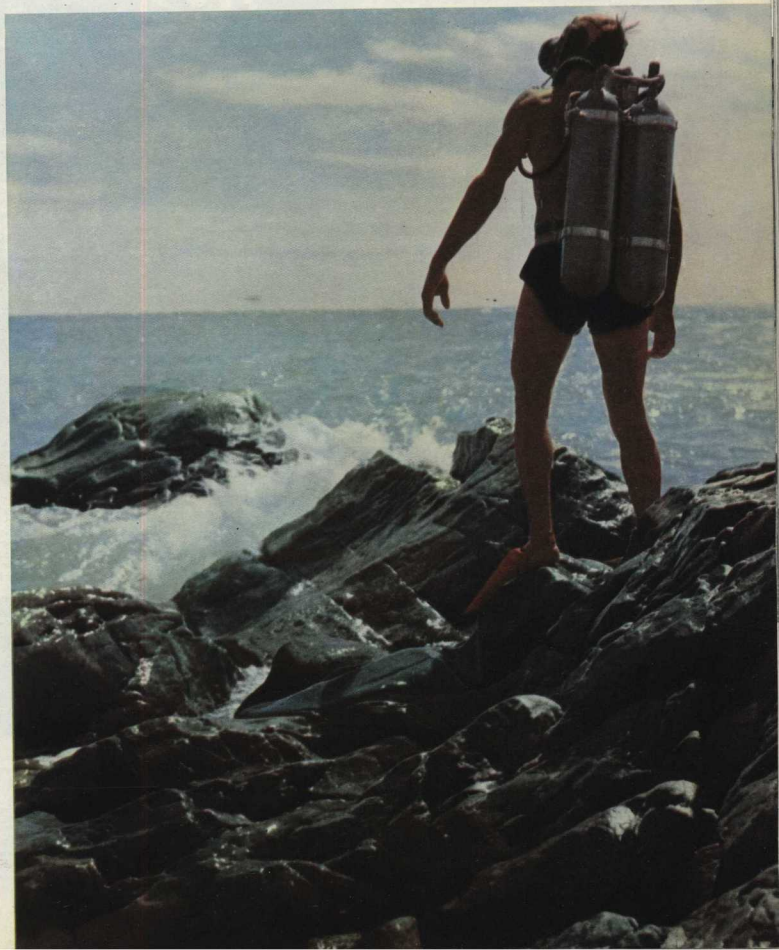

13. 1. 1960

МЕНА

12 1960

Если искусство правдиво, реалистично, идейно, то оно отражает думы и чаяния народов. А народы требуют мира, борются за мир. Поэтому каждый честный художник, где бы он ни жил, не может остаться равнодушным к этой проблеме, волнующей миллионы людей нашей планеты.

На проходившей в Москве выставке «За мир», организованной Союзом художников СССР, были представлены произведения наших и зарубежных мастеров. Тут и голубь мира Пикассо, и рисунки Ронуэлла Кента, трагические рассказы мансианцев и «Киросима» японского художника Маруни, плакаты Третьяковского и нариатуры Кукринисов...

Мы хотим познакомить вас с работами художников стран народной демократии В. Вомана и О. Дубан, которые были показаны на этой выставке.

В. Вомана (ГДР). «Дружба».

О. Дубан (Чехословакия).
Из цикла «Деревья».

ЗА МИР!

26 ИЮНЯ ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Литературно-художественный
и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ

12 ИЮНЬ
1960

Год издания тридцать седьмой

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Куда: г. Рудный, Кустанайской обл.

Кому: Молодым строителям.

Дорогие друзья!
Мы живем и работаем в Белоруссии, строим крупный каменный комбинат и новый город Солигорск. На просторах Польши вырастают улицы современных домов, копры шахт, зеленеют сады, посаженные нами. Солигорск уже сегодня называют городом-садом. А ведь некогда! Больше популярно лет назад здесь был заложен первый камень будущей стройки. Мы мечтаем создать Солигорск таким, чтобы потомки могли с гордостью сказать: «Этот город, его традиции и законы, по которым он живет,—свидетельство героических дел семилетия...»

Но семилетие — это не только новые города и заводы, гектары поднятой целины и спутники — это и новые, коммунистические отношения. Новые, более высокие требования к поведению человека в быту.

Поэтому мы решили начать с организации общежитий коммунистического быта, объявить беспощадную борьбу с эгоизмом, индивидуализмом, эгоизмом. Нам кажется, что самое важное — это беспокойство о товарище, о его судьбе, его будущем.

Дорогие друзья!

Вы тоже строите новый город, у вас, наверное, тоже есть много нового, интересного. Кто о чем нам хочется посоветоваться с вами. Как, например, вы отмечаете знаменательные даты в жизни молодого строителя — рождение ребенка, вступление в комсомол, свадьбу? Да и много другое в наших начинаниях не ясно еще для нас. Поэтому мы предлагаем: давайте вместе бороться за коммунистический быт! Ждем вашего ответа.

По поручению комсомольского актива

председатель совета общежития № 10

Л. БЕРНАДСКИЙ

г. Солигорск,
Минская область.

***

Подробнее о том, как живут молодые солигорцы и что это такое — общежития коммунистического быта,— читайте на стр. 18.

БОЛЬШИМИ ДЕЛАМИ ВСТРЕТИЛИ ДЕНЬ СОВЕТСКОЙ МОЛОДЕЖИ КОМСОМОЛЬЦЫ СТАНЦИИ ОЖЕРЕЛЬЕ. ОБ ИХ ТРУДОВОМ ПОДАРКЕ РОДИНЕ ВЫ ПРОЧИТАЕТЕ В ОЧЕРКЕ АН. РОМОВА.

О ПРИЧИНАХ НЕУДАЧ НАШИХ ВОЛЕВЕРЗЛЫХ ГОВОРИТ ЗАСЛУЖЕННЫЙ МАСТЕР СПОРТА ВЛАДИМИР ЦАГИН

(см. стр. 27).

На стр. 20 — открытие нашего «УНИВЕРСИТЕТА КРАСОТЫ И ЗДОРОВЬЯ».

Читайте в этом номере рассказы Сергея Мартынова «Семейная реликвия» и Даяна Шипло «Отъезд».

— И в Чернигове много ваших последователей,— говорит Клава Лысенко Валентине Гагановой.

Третий раз шагает по стране радостный праздник нашей молодежи. Ныне он особенно радостный: сколькими замечательными делами он отмечен.

— Меня радует, что я вижу в этом зале много молодых лиц,— сказал Никита Сергеевич Хрущев на Всесоюзном совещании передовиков и ударников коммунистического труда.

И это понятно. Ведь Ленинский комсомол выступил застрельщиком соревнования за коммунистический труд, вписав новую славленную страничку в героическую историю ВЛКСМ. Страницу эту вписали обыкновенные советские парни и девушки — девушки, очень похожие на тех, которых мы видите на этих снимках.

По традиции на праздничных вечерах и встречах, которые проходят в честь Дня советской молодежи, комсомольцы рассказывают о самых памятных, самых волнующих событиях, происшедших в минувшем году. Для Клавы Лысенко и Нины Глазуновой, так же как и для других участников Всесоюзного совещания, самым памятным, самым главным событием была встреча в Кремле с руководителями нашего государства, разговор, который шел в Кремлевском дворце о нашем завтра, светлом и радостном.

в в в

С чего начинается дружба? Наверное, ответов на этот вопрос столько же, сколько на свете друзей. Поэтому не будем гадать. Этот репортаж просто рассказывает о том, как подружился два человека.

Одна из этих девушек — Клава Лысенко — живет в Чернигове.

Она строитель, арматурщица. Другая — Нина Глазунова — ленинградка. Она работает на швейной фабрике имени Володарского. А подружились они в Москве.

Это было в те дни, когда в Кремлевском дворце собрались разведчики коммунистического завтра. Они приехали сюда, в Кремль, чтобы, оглянувшись на пройденное, вместе с руководителями партии и правительства наметить дальнейший путь вперед, и нашей заветной цели.

Нелегко пришлось в те дни многочисленным журналистам, присутствовавшим на этом историческом совещании. В самом деле — в зале две тысячи человек, две тысячи лучших из лучших. И у каждого за плечами большие, государственного масштаба дела. Наверное, о любом можно написать очерк, повесть и даже роман. Ного не выбрать? Было тут отчего сбиться с ног. Ведь рассказать о всех невозможно.

Может быть, азарт интервью вон у той девушки в ярком узбекском наряде? А может быть, побеседовать с гленистым экскаваторщиком из Ангарска?

— Давай поговорим вон с теми девчатами,— предлоила мой colega — фотокорреспондент.

И он навел на них фотообъектив...

Так появился в нашем репортаже первый снимок.

В перерыве между заседаниями мы подошли к девушкам. Но много ли узнаешь человеке за двадцать минут? Мы едва успели узнать, что Клава Лысенко и Нина Глазунова только что сами познакомились друг с другом, что живут они в гостинице «Украина». Не помог и второй перерыв. «Отправимся вечером в гостиницу,—

— Желаю больших успехов в труде и, конечно, в личной жизни,— вручая награду, сказал Семен Михайлович Буденный Нине Глазуновой.

В зале заседаний Большого Кремлевского дворца.

26 ИЮНЯ
День советской молодежи

ЗВОНЕ
13
500000

Фото Г. ДУБИНСКОГО.

Текст Г. АНЗИМИРОВА

Коллеги всегда быстро находят тему разговора.

На «американской выставке» в Центральной парке культуры и отдыха имени Горького, Гвен и возмущение охватывают каждого, кто приходит сюда...

Клава проверяет качество продукции. Ведь комбинат, который она строит, называется капвроно...

Что делать, когда термометр показывает +25? Ионично, купаться! Узнав, что девушки — участницы Всесоюзного совещания в Кремле, авторитетный Василий Колбаев сказал: «Сидите, девочки, подвезу!»

— Не бойся, Инна, вода теплая...

решили мы, — там спокойно победоуем».

Не тут-то было. — Лысенко и Глазунова уехали на встречу с художниками, — сообщила в «Украине». — Будет поздно...

Мы застали их только в воскресенье.

В этот день участники совещания отдыхали, знакомились с Москвой. Клава предложила нам отправиться вместе в путешествие по столице.

— А по дороге мы расскажем все, что вас интересует, — добавила Инна.

О многом узнали мы тогда.

О памятной встрече, что состоялось минувшей зимой в бригаде арматурщиков — строителей Черниговского капронового комбината. В тот день, собравшись вокруг висло гудевшей печурки, комсомольцы дали друг другу слово бороться за звание бригады коммунистического труда.

О том, как, несмотря на ветер и стужу, обнимавшие лицо и руки, Клава Лысенко и ее товарищи всегда немного перешиповали свои задания. А после работы они отправлялись в аудиторию, классы, в спортзалы.

О замечательных девочках со швейной фабрики имени Володарского, одними из первых в Ленинграде завоевавших право носить высшее звание коллектива коммунистического труда, о помощи, которую они оказывают своим товарищам.

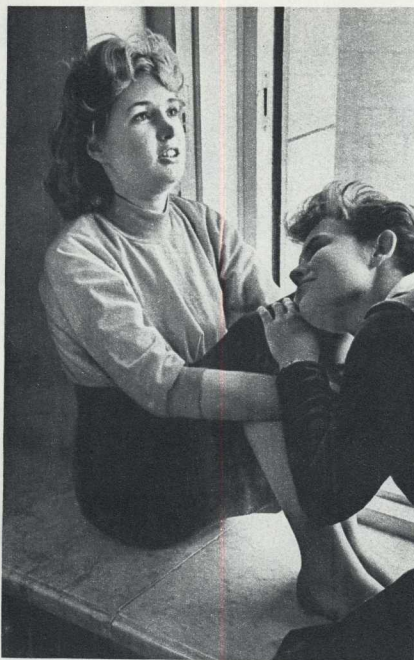
Да, Клава Лысенко и Инна Глазунова, как и остальные участники совещания в Кремле, завоевали это высшее право замечательным трудом, стремлением работать и жить так, как этого требует от человека общество уже медального будущего.

Для того, чтобы подготовить се-

би и этому, требуется упорство, настойчивость. Ни одна минута не должна пропадать попусту. Вот, например, как распределяет свое свободное время Клава Лысенко. Четыре раза в неделю — занятия на курсах по подготовке в институт, четыре раза — тренировки; у Клавы 1-й спортивный разряд по гребле и 2-й — по лыжам. Кроме этого, общественная работа, чтение.

Учится и Инна Глазунова. Обязательно повышать свои знания — это уже давно стало традицией бригады, в которой она работает. Есть в этой колленине и другая

добрая традиция: помогать товарищам по труду. Сколько раз приходила Инна и своим саницизмом, чтобы показать новый принцип в труде или просто поднять забывшую поургу!

— А теперь, — говорит девушка, — мы будем еще больше помогать другим бригадам: ведь как раз об этом говорил нам Нинита Сергеевич Хрущев.

Постоянная готовность прийти на помощь товарищу, поделиться с ним своими знаниями, опытом — эта черта присуща всем, кто в труде и быту утверждает высшие принципы коммунистической нравственности.

Блонноты обеих подруг полны самых различных записей, сделанных на совещаниях: тут и предложения, услышанные с трибуны слета, и цифры, и собственные мысли. Обо всем этом, вернувшись домой, они расскажут своим товарищам.

В тот день наши знакомые побывали на выставке «Советская Россия», осмотрели сбывший американский самолет-шпион, побывали на пляже в ГУМе. А Клава успела еще познакомиться со строителями дома № 2 на Смоленской набережной, обменяться адресами с наменщицей Верой Добрыниной.

И везде: на стройке, в Центральной выставочном зале, на пляже, в ГУМе, — узнав о том, что перед ними участники совещания в Кремле, москвичи — обязательные, гостеприимные москвичи — от души поздравляли девушек с правительственными наградами — медалами «За трудовое отличие», расспрашивали.

— Сколько человек у вас в бригаде? — интересовалась Вера

Добрынина. — Откуда получаете строительный материал? Давно ли перешли на комплексный метод?

На все вопросы Клава дала обстоятельные ответы, а под конец арматуристка из Чернигова и именистка из Москвы решили переписываться, рассказывать друг другу о своей жизни.

Много было встреч, много новых друзей появилось в Москве и elsewhere. Но вот наступил день расставания.

— Киевский вокзал. Гудок паровоза.

— Пиши, обязательно пиши! — кричит Инна.

— Да, да, обязательно. Привет Ленинградцу!

— Привет Чернигову!

***

В третий раз шагает по стране наш молодежный праздник. В большом городе и горном ауле, в наизыскаемом стойбище и рабочем поселке — всюду его встречают, как желанного гостя, встречают трудовыми подарками и звонкими песнями.

И где-то — может быть, на шумном молодежном балу, а может быть, на спортивном празднике — вселивается сейчас две девушки, о которых мы рассказали.

Пионеры будущего — так назвал тех, кто участвует в соревновании ударников и бригад коммунистического труда. Нинита Сергеевич Хрущев. Пионеры — это те, кто идет вперед, кто прокладывает путь другим. Сегодня их путь миллионы, но завтра их будут десятки миллионов, потому что благородные, человеческие идеалы, как магнит, притягивают к себе сердца людей...

Девичьи мечты.

— Обязательно пиши!

ПОЭТЫ «СТРОИТЕЛЯ»

Это литобъединение существует уже десять лет. Сначала собиралась по вечерам, после смены, в маленькой прорабской комнате. Сидели в потрескивающих сплюснутых и пыльных сапогах, рядом со строителями Московского университета на Ленинских горках — студенты...

Нерого пришлось ждать, пока «Строитель» произнесет первое слово. Стихи членов литобъединения появились в стенной газете стройки, в университетской многотиражке.

Детство университет. Многие члены литобъединения стали заниматься в его аудиториях. Другие перешли на новые объекты. А как же «Строитель»? Распался? Нет. Теперь при газете «Знамя строителя» под руководством поэта Э. Водковского объединились молодые литераторы уже не одной, а всех московских строек. Как и раньше, кампания Петру Дитову — старста литобъединения — ровню в семь отрывает занятию.

Сегодня на выездной суд принес свое новое личное стихотворение шофер Иван Пышков. Внимательно слушают его товарищи.

В литобъединении сорок человек. И о каждом можно было бы рассказать немало...

Монтажник Юрий Денисов и Павел Маньтаков, каменщик Иван Жегалин, механик Виктор Георгиевич, техник Виктор Шеначев — все они успешно сочетают нелегкий труд на стройках с литературным творчеством. Это люди разных характеров и возрастов, по-разному чувствующие поэзию, но одинаково влюбленные в нее.

О чем же пишут поэты литобъединения? Больше всего их особенно волнуют? Конечно, это прежде всего труд, любовь к своей профессии, вдохновенная работа товарищей. Пишут рабочие поэты и о любви, нежености, и о дружбе. Ведь все это одинаково близко человеку любой профессии.

Пишут рабочие поэты и о любви, нежености, и о дружбе. Ведь все это одинаково близко человеку любой профессии. Разбирают творчество поэтов литобъединения.

Мало быть поэтом в душе. Нужно еще овладеть культурой слова, техникой стиха, правилами стихосложения. И все члены литобъединения упорно учатся.

Виктор ГЕОРГИЕВСКИЙ

Виктор ЩЕКАЧЕВ

ДОМ

Он был зимою сдан досрочно,
А ныне первая весна
Грохочет в трубах водосточных,
Звонит у каждого окна.
И солнце спелое с размаху
Бросает связками лучи.
И тает снег, как будто сахар,
И расцветают кирпичи.
Они уложены надежно,
Здесь каждый выверен откос
Бригадой нашей молодежной
В сорокаградусный мороз...
Иду, заглядывая в лица,
Невольно замедляю шаг.

...Я всегда души частину
Оставлял в этих этажах.

Юрий ДЕНИСОВ

РАССВЕТ

Полимира светает... Холодным и сызым
Туваном завалены дворик и скверик.
Прокулась дороги. Воркуют карнизы.
И крашны волны воробьиных истерик.

А дождик вчерашний уж где-нибудь в Брянске,
Он всюду здесь лужи оставил-наплакал.
Наш дом среди них, что корабль океанский,
Увидевший землю и бросивший якорь.

И каждая дверь и любое окошко
Открыться стремится в минуту вот эту,
Открыться навстречу веселому солнцу,
Навски влюбленному в нашу планету.

ПОДЗЕМНЫЕ РЕКИ

Им неагко.
Текут себе, текут,
На имен, ни времени не зная.
Пусть лучше ветры,
Ливни пусть секут,
Пусть лучше скорость бешено-сквозная!..
Но нет.
Судьба лишняя их всего.
Пожоги на давно затухший кратер.
Живут,
Свое живое естество
На родники, на гейзеры растратив.
И все же пробиваются наверх,
Презвомагая глубины и скалы...
Ведь если б не было подземных рек,
То и наземных тоже бы не стало.

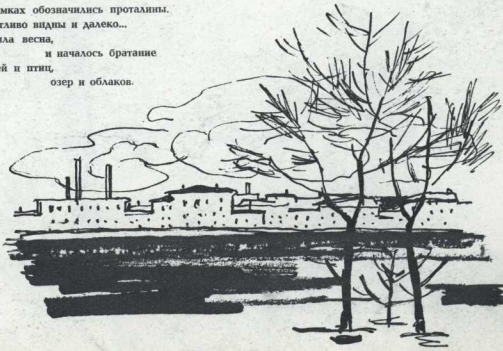
С ВЕСНОЙ

На ямках обозначались проталины.
Отчетливо видны и далеко...
Пришла весна,
и началось братание
Людей и птиц,
озер и облаков.

Ну как не вскрикнуть от такого счастья,
Когда весь мир напоен возниной!
С весной тебя!
Ты к этому причастна,
С весной тебя, любимая,
с весной!

ПАВОДОК

Паводок!
Кто не знает его паводок?
Как пойдет
по лугам,
по бровкам
В ледяном одеяне броском!..
И воды
будет воду множить
И дороги обездорожит.
Он доставит большие хапопты
Пароходам,
дымшарам, как слободы.
Но отважные люди встанут
На спасение каравана.
И вода
будет силу множить...
А людей одолеть не сможет.

НАТУРИСТИЧЕСКИХ ТРОПАХ

«ЛУЧШИЙ ВИД ТУРИЗМА —
ЭТО ОТДЫХ»

Турист срочку охотнику: у обоех в крови любовь к природе. Поэтому, когда туристы предавали мне, охотнику, идти по Кавказу в поход, я, не колеблясь, согласился, не видя большой разницы между альпинизмом и ружьем.

— Веселей, охотник, веселей! — приговаривал начальник группы Юрий Глаксин, инженер-конструктор. В армии он был сержантом, демобилизовавшись недавно и здесь тоже продолжал всех подбадривать, оберегать, вести за собой. Мы охотно ему повиновались. Всем хотелось первыми выкинуть в небо дым обожженного костра на Нахаре. Сх, и высоченный же это перевал! Закришешь голову — шапка валится.

Пока шла лосось, я шагал бодрее всех. За каждым кустом мерещились зверя, и я рвался вперед. Но зато на открытых альпийских лугах я за версту видал, что кругом нет ничего, и ружья, боеприпасы начали тушить меня под укол. Уже с половины подъема мозг стал гаснуть издевательская фраза из путанной песни:

«Вс туристы — дуранки:
Тянут в горы рюкзаки».

Омылаемый ручьями пота, я думал о том, что выпл. Поверия сказкам о прелестях туризма, вали в никому не нужную, непроходимую, бессмысленную затею! Постепенно в моем затуманенном мозгу известный лозунг о пользе туризма зазвучал по-новому: «Лучший вид туризма — это отдых!» И я с наслаждением повалился в траву.

— И-эй, дорогой! — закричала вдруг пожилой горец и остановил завывающего токами ослана. — Давай мешок, подызу.

Вперед товарищи упорно тянули к обалам свои рюкзаки.

— Нет! — ответила я. И, прокладя дель, когда ста туристом, снова пополз вперед.

«У этого ослы, — думала я, — больше оснований для радости:

он делает работу. А что делаем мы?»

Нахар снежной, беззубой улыбкой ужомылся мне с высоты. Вот так начался для меня туризм.

ПРОЗЕНЕ

— От туристов Ростова... От туристов Севастополя... Физкульт... — Привет!

— Привет!

Две группы, с разных сторон бравшие Каухорский перевал, встретились.

Тринадцать юношей и девушек звали класс: они втапидни на перевале велоседы. Через Каухор ребята рвали на своих машинах в самое сердце Кавказа. Впереди Сукуми, Батуми, Тбилиси, Баку.

— Ура-а! — кричали они.

В воздухе полетела шапка. Потом обнялись и, гордые своей победой, долго любовались дально, открывшей им с трехкилометровой высоты. Не отрывая глаз, смотрели и мы. Вот тогда я впервые постиг, что за сила толкает человека штурмовать горы, спускаться в пропасти, преодолевать бешеные реки и ледники. Жажда подвига и познания!

— Айда, айда, ребята! По леднику напрямик! — вдруг закричал один из ростовчан, опытный утешком.

— Что-о! — Мы усамысли окрик, способный остановить на скаку коня. — Повтори еще раз, и ты нам больше не друг! — Рослый юноша со значком разрядника гневно свергла вгладом «айхача».

— Становись! — резко отдал команду. Кого-то поставил вперед, кого-то последним. Сам возглавил колонну.

И тринадцать юношей и девушек, скотованных дисциплиной в одну цепь, потекли вниз.

«ОТПРАВЛЯЯСЬ В ГОРЫ...»

— Кто-то идет навстречу! — вдруг возвестил шедший вперед Валерий Коровкин.

Из расселины, в километре от нас, выпрыгнула группа: всадник и четверо «пехуры».

— Отлично! Приготовьтесь! — обрадовался засида большой знаток и любитель туристских ружьялов, самый конюх из нас, техник-строитель Леонид Пеймер. — Смотрите же, дружно... физкульт... привет!

Когда до всадника осталось не больше ружья, все дружно открыли для приветствия рты. Да так и застыли: на коне поперек сидла висело окровавленное тело.

Те пять минут на узкой пустынной тропе я не забуду никогда. Все четверо, шедшие за ослы, плакали: трое — испаранные, изрваные, без рюкзаков — плакали молча, четвертый, самый молчаливый и мужественный на вид, — навзрыд. Мы молча стянули шапки и растерянно смотрели на мертвого всадника.

— Ай-ай! Как так можно! — придерживая коня, все качал и качал головой молодой сван. Вот что мы узнали. Ровно, что достойной дорогой для них будет не тропа, а путь напрямик — через скалы, это группа туристов назвала самостоятельный штурм. Ночь застала их над пропастью: «Ни ночью можно брать ружья!» Они продолжали штурм. Ни один не сказал «Стоп!», не сказал «Нет!» этой безумной затее. Четверо вышли, а один сорвался...

— Но-о! — трону коня проводник. И уже на ходу крикнул нам: — Вы в Южный Приволжье? Помните: отправляясь в горы, позаботьтесь не слезями, а разумом. Так говорят у нас старики.

Мы-то вняли этой мудрости. А вот ему, на коне, она уже ни к чему.

Парни молча проплали мимо. Вскоре они скрылись вдаль.

НЕОБЫЧНЫЙ КОНЦЕРТ

Агдара — самостоятельный курорт. С ранней весны у израненного источника, как грибы, вырастают навесы, балаганы, шалаши. Сотни людей со всего Кавказа сте-

каются сюда попить целебной воды. Едут на мулах, лошадях, осле, идут пешком.

Источник — вдали от дорог, от туристских троп, в горной лесной глуши. Мы повывались и взбудоражили весь курорт.

— Свежий, баранина! Вкусный сыр! — Сказал молоко! — Сбежались бойкие продавцы.

Иные курортники зазывали к себе в гости. Через час нас звали все.

— Валер-джан, пожалуйста... У нас нет врача. — Молодая армянка пришла к Коровкину с ушибленной ногой.

— Пожалуйста, очень прошу... Вдруг это ценный генерал. — Колхозник аула Малджара Вагараж Мелконян протянул мне блестящий тяжелый камешек. — Нет, нет, вы запишите: правый берег, шесть километров вниз по реке. Обязательно запишите! (Как потом определили геологи, это оказался притир, или железный колчады).

Уходя, Мелконян сказал: — А ведь наш курорт интернациональный! Абхазцы, мингрелы, сваны, грузины, греки, турки, армяне... Русские, — заключил он, показывая на нас. — Приходите вечером в клуб — устроим для вас концерт.

Ночью на дощатом помосте, в свете двух факелов, звезд и луны представляли пятнадцать народов двацца концерта.

Ни названия песен и инструментов, ни имен танцоров и певцов — их было около сотни — мы не знали. Но искусство горцев извонвало нас.

— Русскую, русскую! — послышался вдруг голос. — «Барыню»!

Валерий первый набрался мужества, выхватил из кармана яркую синеватую косынку и повывал голову. Русская «девушка» вышла в круг.

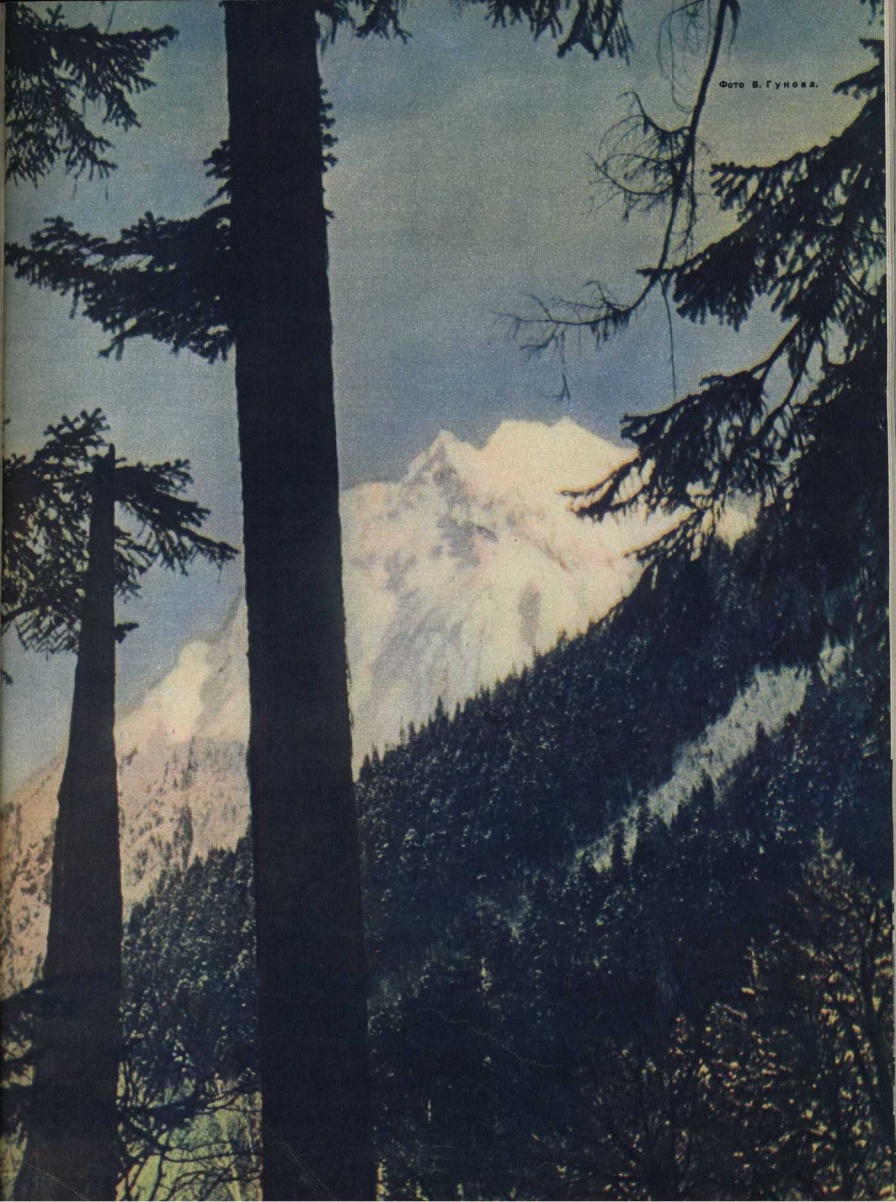
Отпешно, неудержимо — на кавказский манер — тринуя «барыню» бубны, барабаны. Я замурчал — была не была! — и выскочил в круг...

Александр КРУГЛОВ

Фото П. Шведова

Фото В. Гунова.

ОЖЕРЕЛЬЕ ЦЕНОЙ В ПОЛМИЛЛИОНА

60.000 ВАГОНОВ ПРОПУСТИТ СВЕРХ ПЛАНА В ЭТОМ ГОДУ КОМСОМЛЬСКАЯ СМЕНА СТАНЦИИ ОЖЕРЕЛЬЕ.

ПО САМЫМ СЕРЬЕЗНЫМ ПОДСЧЕТАМ, ЭТО ЭКОНОМИТ ГОСУДАРСТВУ ПОЛМИЛЛИОНА РУБЛЕЙ.

Фото В. Сакина.

Вагон поезда... Мягкий свет настольной лампы, шторы на окнах... Особое, необычайное чувство дороги. Но вот убоявающее покаяние вагона исчезает. Остановка. — Что за станция? — выглядываете вы в коридор.

— Да какое-то Ожерелье... Ожерелье? Почему Ожерелье? Странное название...

Вы возвращаетесь в купе, подходите к окну, отдергиваете штору. Вроде ничего интересного. В купе несколько зданий, обычные мачты электропередач, пути, товарные составы. Чуть подалее — большое полусвещенное здание — ангар. Видно, депо. Вот внизу, у вагона, по черной земле идут тропы. В замасленных вагонках, с молотками и фонарем. Но вы уже на них не смотрите. Сейчас вы задернете штору.

Не торопитесь! Послушайте лучше рассказ об этих парнях, об их товарищах, их радостях и трудностях.

Юрий Ветчанин, секретарь узлового комитета комсомола, сидел за столом в давно опустевшей комнате, грыз карандаш и считал, считал, считал...

Он хорошо знал, что такое комсомольский железнодорожный состав семилетки. Это испитые мелом вагоны, полные грузы, цистерны и платформы, идущие по магистралям. Это миллионы вагонов, которые дают семилетке сверх плана комсомольцы транспорта за счет сокращения простоев. Сварх плана, сверх того неисчислимого потока вагонов, который пройдет по всем путям Союза за семилетку. Эти вагоны будут «делаться» и здесь, в Ожерелье...

Он встал, наткнул на себя пальто и вышел. Улица дышала морозом. Лицо колели редкие твердые снежинки.

Будут ли эти тысячи вагонов в год? Он шагал по дороге к дому, покрутывая ледом на подмерз-

ших лужах, и думал, будет ли. Должны быть. Ребята сделают. Комсомольцы из смены движеньцев, дежурные по паркам, сцепщики, башмачники, стрелочники, составители. И еще — хозяин смены, маневровый диспетчер. И перед глазами Юрия встал высокий, худощавый, светловолосый человек — Анатолий Сакович.

***

— Порожняк на Бирулево... Порожняк на Бирулево в одинадцать пятнадцать...

И тут же:

— Да, слушаю. Четыре угларки на седьмой павелецкий...

И через секунду:

— Коматовский пополнять будем... Чот? На Услоую шестой с заост брак? Ну что ты будешь делать!.. Ни днем, ни ночью покоя нет... Алло, слушаю аес... Ушел молочный в десять пятьдесят пять... Алло, депо... Даете электроваз под своей Вас понял...

Здесь, в комнате маневрового диспетчера, — один человек. Высокий, худощавый, светловолосый. С кем его можно сравнить? С музыкантом, играющим на огромном, многоклавиатурном органе величиною с дом? С мальчиком, держащим в руке сотни ниточек от игрушечных поездов и переставляющим их по своему усмотрению? А может быть, со счетоводом? Нет, это не мальчик с игрушечными поездами. И не органист. И не счетовод. Это маневровый диспетчер.

Анатолий Сакович вытер ладонью потный лоб, откинулся на стуле, закурил, жадно затанувшись, потом продолжал говорить в микрофон, предупреждая, приказывая, упрямиться.

И снова внимательно слушала Саковича. Не зря считали в Ожерелье: таких маневровых диспетчеров...

«Да, сейчас ребятам доставать», — думал диспетчер. — Работать

Анатолий вспомнил, о чем го-
 ворили недавно в партобко, о чем
 советовался с ним Юрий Ветчинин.
 Большое это дело. Все смену делать
 комсомольско-молодежной.
 Девяносто девять человек. А начальником
 комсомольской смены его,
 Савочкина, решили поставить...

***

И вот комсомольско-молодеж-
 ная смена движеница на Ожерелье-
 вском узле была создана. В нее
 вошли лучшие. Всеволод Долин-
 ский, слесарик вагонов, Галина По-
 лова, стрелочница. Валентин Ми-
 трошин, составитель поездов.

Из таких людей была собрана
 дежурная по парку Аня Нестеро-
 вич, недавно окончившая Орлов-
 ский железнодорожный техникум,
 за плечами все совсем неболь-
 шой трудовой путь. Дежушка при-
 казал с собой в Ожерелье два
 спортивных разряда и несекунду-
 шую уверенность молодости: все
 будет хорошо. Теперь она одна из
 лучших дежурных по парку.
 Из таких людей была собрана
 комсомольская смена службы дви-
 жения. И начальником ее был на-
 значен Анатолий Савочкин.

Собрана-то собрана, но что
 дальше с ней будет? Многие на
 станции опасались: не сорвались
 бы ребята. Ведь одно дело — ком-
 сомольская бригада на электрово-
 зе. Или у путейцев. И совсем дру-
 го — комсомольская смена служ-
 бы движения.

У движеницы главное — опыт,
 опыт, долгие годы работы на пу-
 тях. Намантность глаза, чет-
 кость — до автоматизма. Тут одним
 напором, одним энтузиазмом не
 возьмешь. Нужны беспрекословное
 подчинение порядку, аккурат-
 ность. Считается, что эти качества
 и отличают пожилых людей от
 безусых ребят. А смена должна
 доказать, что она может работать
 еще лучше. И она смеется...

Ребята предложили: а что, если
 комсомольскую смену движения
 соединить с такой же комсомоль-
 ской сменой вагонной?
 — Они ходят по путям, хлопочут
 крышками колесных букс, зале-

зуют под вагоны. Они осматри-
 вают составы. Все ли в порядке?
 А если не в порядке, ремонти-
 руют. Сложная у них работа. На-
 шлись вагонники брак — срывается
 график у движеницы. А не замети-
 — еще хуже. Во много раз
 хуже. Да, вагонники за многое в
 ответе.

***

Смена на станции начинается с
 планирки. Все девяносто девять
 человек собираются в здании стан-
 ции, в большом зале. Маневровый
 диспетчер объясняет задачу на
 смену, предупреждает о трудных
 часах, трудных составах.

— Вагонники, шестнадцатый на
 Михайлов подан на третью павеле-
 цкую. Приготовьтесь, вагонни-
 ки...

Анатолий взвесьшая волосы русой
 прической, посмотрел на часы. Третий
 номер работает в Ожерелье ком-
 сомольская смена.

Да, сегодня удачный день. Сей-
 час только отправить тяжеловес-
 ный на Михайлов, и тогда... Тогда
 совсем здорово будет. График —
 топотка в топотку. А в «окнах»
 графика — вагоны. Вагоны сверх
 нормы. Вот она где, пропущенная
 способность комсомольской сме-
 ны!

— Алло, слушаю... Савочкин... Да
 вы что, оумели!

— Ничего не оумели,— кричит
 репродуктор голос.— В шест-
 надцатом на Михайлов брак, один-
 надцатый вагон с хвоста...
 — Так ведь шестнадцатый через
 двадцать пять минут отходит.—
 Савочкин вытирает лоб.— Большой
 брак!

— Большой... Автоцепку мен-
 ять нужно...

— Вот тебе и удачная смена! Шест-
 надцатый на Михайлов вылетает из
 графика. А это значит: все, что
 смена сэкономила, тоже вылетает.
 Автоцепку за двадцать минут не
 сменишь. Обидно... Савочкин берет
 трубку телефона.

— Вагонники! Антонова... Слы-
 шись, Антонов,— беззащитно го-
 ворит Савочкин,— автоцепку за
 двадцать минут сменить можно?

— Антоцепку?
 Что-то в голосе, а интонация

Антонова, руководителя бригады
 коммунистического труда, подка-
 зывает Савочкину, что может быть,
 можно.

— Антонов! — кричит он в тру-
 бку.— Кровь из носа, зарез... Один-
 надцатый с хвоста, на Михайлов.

— В трубке молчат.
 — Попробуем.— отвечает Ан-
 тонов.

Савочкин вешает трубку. Все-та-
 ки здорово, что смена вагонников
 тоже комсомольская. С начала го-
 да они работают парно, две
 комсомольские смены — движе-
 ния и вагонников.

— Антонов стоял на путях и смол-
 тел на ребят. Послать надо
 осмотровика, двух слесарей и свар-
 шика. Четверых. Кого жечь Сейчас
 рываю трубку секунды.

— Науменко!
 — Есть.

— Из слесарей — Завалуев, Жи-
 харев. Сварщик — Лебедев.

— Есть!
 И четверо ушли. Через пути, с
 инструментом — к одиннадцатому
 с хвоста на Михайлов. Пролетели
 между вагонами, вплотную к ав-
 топотке. Руками не святишь: в
 ней двести килограммов.

— Осторожнее!
 — А время идет. Неужто не
 успеют? Сняли несравную авто-
 цепку. Надо ставить новую.

— Давай сюда... Вань, помоги...

Сквозь рукавицы чувствуется
 холодная, скользкая поверхность
 многотонной автоцепки. Между
 вагонами не развернуть. Моросит
 дождь, пропитывает вагонки,
 уголь под ногами. Нет, пожалуй,
 не успеть...

Звонки в диспетчерской. Саво-
 чкин снимает трубку.

— Антонов!
 Трубка секунду молчит, потом
 раздаётся спокойный голос:

— Готов шестнадцатый на Ми-
 хайлов.

Эх, какие хорошие слова хотел
 сказать Анатолий Савочкин этому
 человеку! Да ничего не сказал,
 только прохрипел вразованно:

— Спасибо.— И тут же закри-
 чал в микрофон: — Готов шест-
 надцатый на Михайлов! Готов!
 Все поезда шли по графику, а

в «окнах» графика — вагоны, ва-
 гоны, вагоны сверх плана.

— После каждой смены — анализ
 работы. Маневровый диспетчер,
 дежурные по паркам, составите-
 ли собираются вместе, узнают по-
 казатели смены. Владимир Ивано-
 вич Мещков, заместитель началь-
 ника станции, в конце концов бро-
 сает:

— Нормально работали...
 Скуп Владимир Иванович на по-
 скулу.

***

Юрий Ветчинин шел по путям от
 станции к комитету комсомола,
 жмурился на солнце, улыбался.
 Кончился четвертый период. Месяц
 шестидесятого года. Самые
 трудные месяцы работы. Зима и
 ранняя весна. И лучшей за это
 время была комсомольская сме-
 на. Теперь Юрий не путается в
 цифрах. Все ясно, как на ладони.
 Простой вагонов, обрабатываемых
 на станции, сокращен на полчаса,
 а составов, которые не обрабаты-
 ваются,— на шесть минут. За три
 месяца шестидесятого года одна
 только комсомольская смена Оже-
 релья за счет сокращения простоя
 дала около двух тысяч вагонов
 сверх плана. А формирование тя-
 желовесных составов добавило
 еще пятнадцать тысяч вагонов.

За апрель смена Савочкина эконо-
 мила около 56 тысяч рублей,
 обработала сверх нормы почти че-
 тыре тысячи вагонов.

А за весь год она даст дополни-
 тельно к плану 60 тысяч вагонов
 сверх нормы.

Ну, а сокращение простоя,
 сколько оно даст в рублях! Юрий
 прикинул — от! По самым скром-
 ным подсчетам, полмиллиона руб-
 лей экономии принесет за год го-
 сударству комсомольская смена!

...Разный свист электровоза. Ми-
 мо, громыхает едет состав. Ваго-
 ны с лесом, платформами с тракто-
 рами, цистернами. Впереди весело
 мигают зеленые огоньки светодо-
 рные. Бесценные грузы, грузы се-
 милиетки, идут через Ожерелье.

Ан. РОМОВ

станция Ожерелье Московско-
 Донбасской железной дороги.

Его называют «хозяйнином движения». Это на-
 чальник комсомольской смены, маневровый
 диспетчер Анатолий Савочкин.

Движенцы могут быть спонюны, когда де-
 журият Аня Нестерова: все будет осеку-
 провено, учтено. Аня — одна из лучших де-
 журных по парку.

Напряжен труд вагонников. Но
 без них ни один состав не сможет
 уйти со станции. От их труда за-
 висит самое важное — безаварий-
 ность работы транспорта.

«В ДОМЕ НАПРИТКА БЕЗ ПЕРЕМЕН» — так называется очерк Е. Мушкиной, опубликованный в № 6 журнала «Смена» за 1960 год. В очерке шел разговор о молодых людях, которые, бездумно расстрачивая свое время, долгие вечера проводят в подъездах дома, гуляя по двору, «скрываясь» девушек. Автор говорил об ответственности комсомольских вожаков района за то, как проводят свободное от работы время молодежи.

И вот почта принесла в редакцию первые читательские отклики. С каждым днем писем становилось все больше, и я начал писать о молодых работниках, учителях, колхозниках, воинах Советской Армии, школьниках. Что же вызвало читателей, что вызвало их беспокойство?

Читая письма, чувствуешь, что этими людьми трудно было одно желание — предостеречь наших юношей и девушек от пагубных привычек, прожорливости, которое часто приводит их к хулиганству, помочь им встать на правильный путь.

«Ведь хочется, чтобы ребята выросли честными, смелыми, сильными», — писала в своем письме Людмила Киселева из города Ижевска.

Честные, смелые, сильные! Все пути открыты перед молодыми людьми, чтобы стать такими. Но не каждый человек в юности сразу находит верную дорогу в жизни. Часто нужен сильный и чуткий наставник, нужна твердая рука товарища. Как не понять чувства, которым продиктовано письмо Николая Кублицкого из города Чарджоу:

«Меня очень возмущает очерк «В доме напротив без перемен». То же самое происходит и у нас, в Чарджоу. После работы у ребят собираются взрослые парни. Нередко появляются и политрук и пионер. Я теперь понимаю, что ребята очень скучно. Клубов, кружков и спортивных секций у нас нет. В комсомольском клубе ребята помоложе. Они уже курят и умеют читать поэзию. Я сам недавно находился под их влиянием. Меня спасла только книга».

Скучно — чувство неудовлетворения испытывает Николай из такого большого промышленного города Ростовца. Он объясняет это одним: ребятам скучно. Иначе говоря, есть свободное время, но ничем его заполнить. Но от скуки и бездумно до хулиганства — один шаг! А время свободного времени и жизни молодежи с каждым годом становится все больше. В республике принятые недавно на пятой сессии Верховного Совета СССР, намечено уже в 1960 году перенести всех рабочих и служащих на семи- и шестидневный рабочий день. Не за горами пора, когда у нас будет самая короткая в мире рабочая неделя. Чем же будет заполняться наша свободное время? Неужели увеличится число любителей «попутать» прохожих на улице! Обо всем этом следует думать уже сейчас! Нужно, чтобы свободное время использовалось правильно. Именно в эти часы человек будет обогатиться духовно, расти интеллектуально. Сколько книг можно будет прочитать, сколько прослушать лекций и концертов, в каких интересных туристских местах побывать! Отдохнуть интересно — значит не скучать. Иногда день, несложные разборы в театре, собственные интересы приводят к ничтожному. А подсказать такому нерадивому не всякий догадается.

Он бывает и так. Задумает человек два-три свободных часа посетить музей, кортэж, спорт, а условий для этого нет: лекторы, кружки, спортивные остались в заводском клубе. И не каждый захочет слова ехать на завод, который нередко находится далеко от дома, который нередко находится далеко от друзей, который находится сам по себе; надо организовать на территории самого жительства молодежные клубы, кружки, советы обществности. А кто должен быть вождем, застраивающим это необходимое дело? Конечно, молодежь, и комсомол в первую очередь.

«Болашую часть времени» — пишет в редакцию секретарь Сталинского района комсомола Москва тов. Бурунов, — люди проводят дома, во дворе, а всю свою работу комсомольские организации пока строят на заводах, фабриках, троллейках, в учреждениях, в школах. Фабричные комсомолы производят 7—8 часов. Комсомольские активисты должны организовать работу при жилищно-

эксплуатационных конторах через молодежные клубы, клубы по интересам, штабы по работе с молодежью, добиться, чтобы «время комсомольского влияния» длилось не 7—8 часов, а постоянно, чтобы каждый юноша и девушка нашел себе дело по душе. Это позволит им не только отходить от скуки, но и воспитать их, привить им любовь к технике и спорту, музыке и литературе». Большую помощь в этом могут оказать те же заводские клубы. Дворцы культуры, которые должны стать центром культурной и воспитательной работы среди молодежи, живущей по близости. Но ведь многие из них по существу превратились в кинопрокатные помещения, в коммерческие организации. И недаром юноши и девушки не чувствуют себя хозяевами во дворах, которые ныне правильно выстроено почти в каждом городе и подарило ей же, молодежи.

ТВОИ ДРУГ-ТВОЕ БОГАТСТВО.

Обзор откликов читателей

«В наших клубах чуть ли не каждый вечер пускают платные кино», — пишет Анатолий Кеурбура из Одессы. — Не всегда можно зайти и поиграть в шахматы, домино, почитать свое газетку, журнал или просто почитать, побеседовать. Мероприятия проводимые клубом, часто очень неинтересны. Тут да идти особым желанием нет».

А разве не могут вожаки молодежи Одессы пережить хороший опыт комсомольцев Иванов! Здесь начали проводить работу с молодежью по месту жительства. И каких замечательных успехов уже добились! В городе создано более 30 уличных советов по работе с молодежью. Комсомольцы решили благоустроить свой город в свободное от работы время: они закладывают огромный, более чем на тысячу гектаров, парк. На реке Харинке их руками будет создано водохранилище, в городе построено несколько стадионов и бассейнов. За городом создано 17 туристских лагерей, где можно интересно отдохнуть в воскресные дни и во время отпуска. В городе регулярно проводятся соревнования дворовых и уличных команд по волейболу и футболу.

В городе Петропавловске при кинотеатре слава комсомольцев оборудованы специальные детские комнаты где ребята на время слезая могут оставить своих детей.

Много интересного в работе с молодежью по месту жительства сделала Ленинский район комсомола Москвы. При жилищно-эксплуатационных конторах здесь созданы комсомольско-молодежные штабы, которые под ру-

ководством района стараются заполнить интересные и полезными делами досуг молодежи. Так, в прошлом году с помощью тысяч писем в районе организовано 540 спортивных 3 футбольных поля, установлено 270 столов для игры в настольный теннис. Комсомольцы привлекают к работе общественность домов, предприятий, кадрами рабочих, пенсионеров, которые при домоуправлениях, соседях изобрели, строили мастерские, кружки по изучению иностранных языков, семидесятилетний детский театр, кружок юннатов.

Хорошо работают комсомольские штабы при жилищно-эксплуатационных конторах в городах Актыбейске, Архангельске, Новосибирске, Норильске, Буртинске и других.

Мы уже привыкли к тому, что в общественных комсомольцы чувствуют себя настоящими хозяевами. Они не пройдут равнодушно мимо бракованной мебели; в своем цехе они не пройдут граница между производством и продажей. В бригадах коммунистического труда проявляются черты человека нового общества. Так почему же эти черты проявляются только на производстве, почему только в цехе существует крепкий комсомольский коллектив? Почему человек, выходя за ворота заводской проходной, подчас как бы теряет свои замечательные черты непримиримости к недостаткам общественным и недостаткам своего товарища? Почему в свободное от работы время человек никогда не превращается в кустика-одиночку, обывателя равнодушиного к тому, что происходит вокруг него? Не пора ли каждому комсомольцу поставить перед собой задачу быть принципиальным и честным не только в цехе, в коллективе, но и дома, в семье, во дворе, в общении?

Вопрос о формировании нового человека, о становлении его positive коммунистического характера имеет большое общественное значение. Делу воспитания подрастающего поколения должна быть подчинена вся работа наших комсомольских организаций. Но нельзя в этом вопросе упустить и другую сторону — личную ответственность человека за своего товарища, за каждого, кто окружает тебя в твоей повседневной жизни.

В очерке Е. Мушкиной основное внимание обращено на необходимость работы райкомов комсомола среди молодежи по месту жительства. Однако автор не касался личной ответственности за свои поступки молодых жителей дома № 23. А ведь это большой и нужный разговор! И совершенно правы читатели Е. Виноградова! И совершенно возмущение В. Долги и А. Жук, Е. Гафанова из Ферганы, А. Нагиев из Кировска, которые возмущаются поведением великовозрастных бездельников и хулиганов.

У нас в Сибири — пишет Геннадий Гаврилов из Кемеровской области, — в некоторых городах и поселках совсем нет клубов, нет театров, даже нет дворов и ворот, а просто палатки и вокруг — строгие дома, клубы, театры, шахты. И все это создают молодые люди, работающие там по 17—20 лет. Они работают, учатся, развиваются, исполняют свободное время. Вот это парни настоящие! Возникает вопрос: не повторимся ли мы таким, как Фролов и Ефимов, о которых упоминается в очерке, когда говорим о необходимости работы комсомольских организаций при жилищно-эксплуатационных конторах? Или ганизаций к досугу молодежи? Думается, что ганизаций! По крайней мере человеку правильный путь в жизнь, помочь и одновременно остаться требовательным к нему — только так, на завод, в магазин, можно рассмотреть этот вопрос. VIII пленум ЦК ВЛКСМ привнес в нашу жизнь постановление «О повышении роли комсомольских организаций в борьбе с нарушениями общественного порядка», огромное внимание уделять досугу молодежи, призыв комсомольцев быть ответственными к высокой гражданской ответственности за каждого человека.

Письма читателей показывали, что проблема, затронутая в очерке «В доме напротив без перемен», глубоко волнует многих. Редакция хочет продолжить нужной и важный разговор о правильном и разумном использовании свободного времени молодежи. Поэтому мы просим читателей подавать своими письмами о том, как лучше владеть работу с молодежью по месту жительства, рассказать об уже накопленном опыте такой работы.

Ждем ваших писем, друзья!

Рассказ

Сергей МАРТЬЯНОВ

Рисунки М. и А. Козловских.

Эту дверь с табличкой «Канцелярия заставы без стука открывать нельзя. Порядок есть порядок. Но сегодня сержант Грачев мог и пренебречь им: он знал, зачем его вызывает начальник, и приготовился к длинному разговору.

Но капитан Ремизов махнул с другом. — Так вот, пришла приказ о новом награждении третьим знаком «Отличник пограничника» — весело сказал он и вынул из папки бумагу с приказом.

Как положено в таких случаях, Грачев стоял и щелкал каблуками:

— Служу Советскому Союзу!

— Ладно, ладно, сиди уж! — махнула рукой Ремизов.

Грачев самодовольно улыбнулся. Третьим знаком его награждая за то, что месяц назад он задержал третьего нарушителя границы. Он проследовал его двое суток по степи и барханам, а потом следы нырнули в камыши, к озеру... Еще никто на заставе не носил сразу трех знаков. Капитан знал, с чего начинать. Только напрасные надежды! Вот уж несколько дней по заставе ходил слух, что в связи с демобилизацией Грачеву предлагают остаться на сверхсрочную службу, но он твердо решил, что не останется, и сейчас прямо сказал об этом капитану.

— Звез ты, как рыба в воде, а что будешь делать на гражданке? Ни специальности, ни родного дома, куда бы поехать... У тебя же врожденный талант следопыта, а ты...

Ремизов знал, по какой струнке бить. Грачев и сам был уверен, что у него талант, и ему было приятно слушать похвалу начальника. Но вслух он сказал совсем другое:

— Так уж и талант, скажете тоже... И повторю повторно, что на сверхсрочную не остаюсь.

Ремизов удивленно и сердито взглянул на него.

— Ну, хоть разъяришь все-таки, почему не хочешь остаться!

— А почему же обязательно оставаться? Живут же люди на гражданке. Сами читай нам письма Михаила Ибраева...

Не было у Грачева ближе друга, чем командир второго отделения Нурисен Ибраев, легкой конник и веселый, горный парень. В каждом письме он звал его к себе на целовку, в совхоз «Степной», рассказывал свое райское житье-бытье.

— Так ведь у сержанта Ибраева специаль-

ность шофера уже до армии была! А у вас за плечами что? — запальчиво возразил Ремизов, переходя на «вы». — Все же классов, ушли-набрелись, потом граница. Только в столовой и научились отлачивать: это гречка, а это перловка... Что вы в совхозе делать будете?

— Умелый боец — везде молодец! — улыбнулся Грачев. — Не прощай! По правде говоря, ему хотелось, чтобы начальник заставы упрямил его подальше, побудительнее: он и сам толком не понимал, почему так упорно не соглашался остаться на границе. Может быть, потому, что телеша тешившая мысль: в совхозе его встретят с почетом и уважением.

И что раздумывать? Решено — и точка!

2

Машина на минуту остановилась возле конторы, потом помчалась дальше, подпрыгивая и гремя пустым кузовом. Грачев остался один.

Нурисен почему-то не встретил его: наверное, не получив телеграмму. «Ну, что ж, будем искать директора», — решила Грачев.

В кабинете с письменным столом, диваном и радиоприемником никого не было. Настойчиво звонил телефон. Грачев заглянул во вторую комнату, в третью — все они встречали его пустотой и застарелым запахом табачного дыма. Наконец в самой дальней ему почастывалось. Какой-то мужчина в очках крутил ручку арифмометра.

— Вам кого?

— Директора.

Мужчина еще раз крутнул, что-то записал в директурской.

— По какому вопросу?

— Я демобилизованный, прибыл на работу.

— В качестве?

Юрий не чувствовал распространяться. Он еще раз повторил, что ему нужен директор, и спросил, где его можно найти.

— Гм, найти... Идет уборка, товарищ демобилизованный. Семева Бенедиктовича сейчас днем с огнем не найти. А Впрочем, помните где-нибудь и гараже ван в аэрохимзавод.

О Нурисене Ибраеве уже не хотелось расспрашивать. Оставив в конторе чемодан, Грачев пошел развешивать гараж. Совхозный посенок со всех сторон обступил его уютными диванчиками, сараевам, стогам свежего сена. По углам и аэроам разгуливали гуси, куры, свином, телята. Нещадно падало солнце. Молодые деревья росли чахлыми, а многие совсем засохли.

У гаража из-под одной-единственной полуоткрытой тачки поги в рынках стоппивных сапожков. И Грачев обратился к ним со своим вопросом. Ноги свешивались, и хрипалого звук пролез из-под машины:

— Валяй в аэрохимзавод, он там. В аэрохимзавод сказали, что Семен Бенедиктович только что был здесь, но куда-то ушел, наверное, на нефтебазу. Оттуда Грачев направил в механические мастерские. А после мастерских следы директора вообще терялись.

«Ну и порядок!» — хмурился Грачев. — Легче задержать нарушителя границы, чем встретиться и поговорить с тем Семеном Бенедиктовичем. О шофере Ибраеве сообщил, что он находится между второй бригадой и пунктом «Заготзерно», а дома у него сейчас никого нет, потому что жинка работает где-то на току.

Только к вечеру, когда спала жара, Грачев неожиданно застал директора в конторе. В кабинете находились еще три человека.

Юрий представлялся и сказал, зачем пришел.

— А-а, так вы и есть тот самый сержант Грачев? — широко улыбнулся директор. — Знаю, знаю... Мне о вас много рассказывала товарищ Ибраев.

Грачев обменяло вздохом. Кажется, его мистификация приходит концы.

— Ну что ж, сразу и приступим к делу, Юрий Михайлович — сказал директор, безмятежно отпуская удостоверение и направление в совхоз.

Грачеву было неприятно, что к нему обращались по имени и отчеству; шед этим вежливым и спокойным человеком он чувствовал себя напряженно и даже болязливо, как школьник.

— Так вот, Юрий Михайлович — продолжал директор, — что, если мы поставим вас на самый трудный и ответственный участок? — Он переглянулся со своими собеседниками, и те дружно закивали.

— Пожалуйте! — выпалил Грачев, не ожидавший такого оборота.

— Преупреждаю, участок чрезвычайно важный. От вас будет зависеть благополучие сто шести человек, работа пяти тракторов и пяти подсобников. Не подведете?

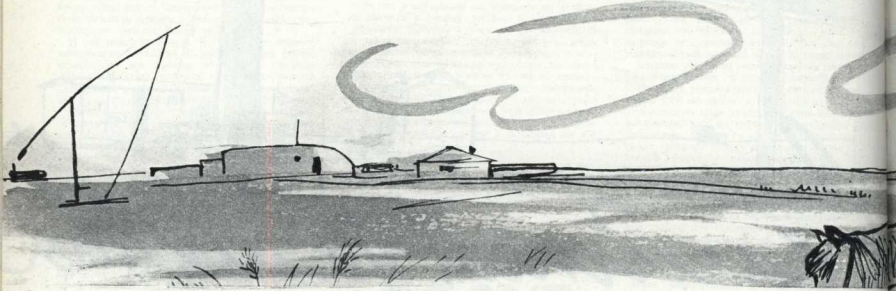
— Никак нет! — заверил Грачев. — А в чем будет заключаться моя задача?

Семен Бенедиктович кашлянул в кулак, нахмурился и серьезно сказал:

— Нужно срочно заменить в третьей бригаде одного человека, который обеспечивает всю бригаду водой.

Сердце у Грачева упало.

— Так меня в водовозы, что ли?

— Точно так, — твердо сказала директор.

Вот это здорово! Да они что, смеются над ним? Грачев долго молчал. Если бы не привычка к дисциплине, он бы, наверное, повернулся и хлопнул дверью.

— А другой должности не найдется? — наконец хрипло проговорил Грачев.

Мысли его раздавали отгадку.

— Вы поймите, пожалуйста, — делкативо сказал Семен Венедиктович, — что от нас будет зависеть все — и жизнь людей и работа машин! А вода у нас здесь на вес золота. Приходится привозить из дальних колодедей и небольшого степного озера. Но дело даже не в этом. В третьей бригаде некого поставить водовозом. Буквально некого! Отдаю надежду на вас, сержант.

Поняв, — нетерпко ответил Грачев.

— Вот и отлично! Я знаю, что мы с вами стоим на наилучшем образе. Завтра же и поезжайте в бригаду. Ваш предшественник не может больше работать.

3

Полевой стан бригады — это два вагончика, несколько палаток, кухня, крытый ток. Это груды зерна, пыль, грохот машин, загорелые барин и девчата, орудающие деревянными аппаратами. Это — место, где человеку, привыкшему к приволью и тишине деревни, можно оглушиться и задохнуться от пыли.

Все это погна Грачев, когда на следующий день рано утром приехал в бригаду. Его поселили в одном из вагончиков и велели отыскать на току Павла Матвеевича Долиновку, у которого он и должен получить инструкцию. Это был пожилой крепкий человек с фельдшерскими усам и в майке неопределенного цвета.

— Вы и есть водовоз, да? — поинтересовался Грачев, пожимая его жесткую, шершавую руку.

— Никак нет, и заводуший током. А водовозом моя дочь Вадюкья. Тебя, значит, на ее место прикомандировали?

— Да, да, — буркнул Грачев. Он представил себе эту Вадюкю молодой горластой девкой, которой оточерствела водовозка, и она бежала с нее, а водовозку посылал ему, потому что он такой дисциплинированный. «Вот это достучался!» — зло подумал Грачев.

— Смотри-ка, сколько у тебя реликвий, гравица! — сказал Долинок, кинув на значки отгадку. — Молодец! Я ведь и сам служил в корпусе у генерал-майора Доватора, Ава Михайловича. Боевой был генерал, парство ему небесное.

Павла Матвеевич повел его за полевые вагончики, к небольшому овражку, где поперу стояли две разноцветные пугалые лошади и лениво припали траву.

— Вот твоя кавалерия, гравица! Пропну любить и жаловать.

— Да... — брезгливо промолвила Грачев, осматривая лошадей, ветхую повозку и две деревянные бочки на ней.

На заставе за такое отношение к конкретному составу и сарказмению он бы вошел повозочному наряду вне очереди, а здесь — «кавалерия».

— Торопись, гравица! Не дай бог, опоздаешь приехать для обеда. Сидица тебя заколет, как пятак дять.

— Что еще за Сидица?

— Товарищ наш! Не देвка, а казак в юбке. Поторанивайся.

Этого еще не хватало! Какая-то повариха будет им командовать... Лошади шли неторопливо, отмахиваясь от наседывших слешней. Кругом простиралась поля, вылопушину убранные, утравленные ломатыми копытами соковы. На необруженных местах лежали длинные браны. Виднелись островки и совсем еще не сжатой пшеницы. Волова за собою длинные шлефы пыля, по дорогам ползали автомашины.

Колодец стоял в центре небольшого аула. Давидать пить ведер в одну и давидать пить во вторую бочку пытался Грачев из колодедя, стараясь не смотреть по сторонам, чтобы не видеть любостыствующих ребятишек, окружающих повозку и что-то гадавших по-казацки, громко и оживленно.

Потом он поехал обратно. Лошади шли еще медленнее, повозка кренялась из стороны в сторону и скридела. Из бочек то и дело выдвигалась вода, свертявшаяся на дороге в грязные шарик. Оглядываясь на них, Грачев хмурился. Ему было жалко пролитой воды, но он тут же отворачивался: все равно!

Смегасковская девушка в белом поварешком колпаке и цветастом сарафане, надетом поперех черных сетчатых шаровар, присел на корточки, раздувая пилоту. Это, очевидно, и была Сидица. Грачев нетерпко кашлянул. Девушка повернула раскрасневшееся лицо, выпрямилась и быстро движением заправила под колпак прядь свистящих, чуть рыжоватых волос.

— Ты и есть новый водовоз?

— Я... мрачно ответил Грачев, предчувствуя каверзу. — А что?

Сидица еще раз зыркнула по нему глазами и быстрым движением заправила под колпак прядь свистящих, чуть рыжоватых волос.

— А ты ничего... Ну, давай вымай.

Грачев взял ковшик и принался вычерпывать им воду в два обвешистых бака, стоящих на земле. Работа двигалась медленно.

— Да ты что, с ума спятил? — накинулся на него Сидица. — Кошмар! Да ты так до вечера будешь чикать! А пиланг зачем?

И она приналась поучать его, как нужно пользоваться резиновым пилангом, а потом, когда вода была вся переита, опять погладал его к колодедю.

Когда он возвращался, солнце уже начало пендоло. Пришлось снить с себя гимнастерку, от баяска хромовых сапог давным-давно осталось одно воспоминание. Но и жара и пыль — все это было ерундой по сравнению с тем, что он высунувшись воле кушни. Эта девка-повариха не стаяла его ни в грощ.

Она кричала:

— Эй, водовоз, давай лей-вымай!

Она смеялась:

— Смотри, не загни вороних коней!

Она распевала:

— «Удивительный вопрос: почему я водовоз?»

Она курчалась над ним весь день, и это было самым скверным. Ворочаясь ночью на жестком ложе в полевом вагончике, Грачев с тоской вспоминал о родной заставе, о друзьях-товарищах, о капитане Резниове. «Зачем я, мамонт, не послушался его? Жма бы там сойбас-как царь, и бог, и воинский начальник. А здесь? Что я значу здесь? Вода... Подумаешь, вода. Любый бы справился на моем месте не хуже!»

Утром он постарался встать раньше всех. Но, оказавшись, на току работала круглоустовно. Воела бочек уже умыкалась дежачная студентка, черная воду кружила. Они встретили его алогичными взглядами и приветственными возгласами, но из кухни его спрали Сидица:

— Эй, водовоз, поторанивайся!

Он отгмыкался непонял, и тогда она «заводила» его:

— Работать надо, работать. Это тебе не заставал! Привык так командовать: «ать-два...» А тут поворачиваться надо. Вот так! — издавалась она.

В полдень Грачев отгмыкался на озеро. На утилах ижеках беретях не росло ни одного деревца, и если смотреть издали против солнца, вода багастела и сияла, как расплавленный металл. А стоило подходить вплотную, как было видно, что озеро мелкое и вода в нем прозрачна. Сквозь нее виднелась песчаная дна — все в рубяках, словно гофрированная медь. Вода была теплая, неприятная, она не освежала.

Грачев разбойно свистнул на лошадей и гыгхал в озеро. Потом ведром стада черпывать воду и вымаывать в бочки. Пиланга и кушли ковшом, где-то насмешливо каркала ворона.

...А когда он шел за третьим нарушительем, было так. Следы влинуны в камыши, к озеру. Вероятно, нарушитель заметила преследование и решила спрятаться в густых прибрежных зарослях или прямо в воду. Грачеву были известны и такие уловки. Он послал вальдерику, молодого солдата Григорьева, в область озера, а сам сел с коня и, осторожно раздвинув камыши, стал пробираться к воде. Она уже залюпала под сапогами, дошла до колен, до

пока. Вот и тихое, гладкое озерко. Никого. Грачев стал ждать. Он стоял по пояс в воде, стоял, не перемалывая, не отбиваясь от наседшего со всех сторон комарья. Лицо, шея, руки уже давно распухли, заляпали кровью, а он все ждал...

Тихо прошел час, потом второй. Пахло тиной и гнилой водой. Озеро жгло своей живью, но сераят отбегал из нее только те приметы, которые говорили бы ему, что здесь прячется враг.

И вот он увидел, как неподалеку по воде лопнул крути, а затем из нее тихо высузались голова человека. Ряды этого мизга стало сечь донос сукот по следу, стало мочить, терпеть комаров, ждаль!

— А сейчас! Грачев зачерпнул последнее ведро, завернул лошадей и вышел на берег. По-прежнему наседывали и прожигали каркала ворона. Неужели только и остается в памяти о границе эти «редкякины» — три металлических трупотомных значка?

Грачев гикнул, выткнул лошадей халстом и погнал их, не разбирая дороги, туда, где косили халба. Его охватило тупое безразличие к своим близким и вместе с тем чувство злого, горького превосходства над всем, что его окружало: и над этими мирными полями, и над выжской Сивней, и над хвастливым стариком с фелла-фебальскими усами, и над этими чуждыми трактористами и комбайнерами. «Ничегого ты не знаешь, какой я был, ничего не видел и не слышал того, что сделала я!»

— Эй, ахач! — оклакинул его с комбайна. — Бомью уд приток. Смотри, полбочки воды расплескал.

— Подумайши! — беспечно отозвался Грачев, все еще хмельной от воспоминаний.

— Вот тебе и подумайши... — сердито проговорила комбайнер, сивый от пыли мужик, подходя к водозовке. — Чем другие агрегаты заправлять будешь?

С востига на Грачева поглядывала, усмалась, молодая коммунячка: из кабинки трактора высунулся парень в замасленной кепке.

— Ты вместо тети Дашки, что ли? — спросила у Грачева сивый мужик.

— Какой тети Дашки?

— Ну, Евдокия Павловна. Ее узнаешь, что ли?

— Никуда ее не узнаешь, сама ушла. Знать надо.

— Никогда нам все узнавать, парень, — с оттенком превосходства проговорила комбайнер. — И день и ночь в поле. — Он загальнул в бочку из лопачки, толковой. — Тады, сколько расплескал по дороге. Тети Дашки все до капальки довозила!..

Сделав открытие, что Евдокия не здоровенная горластая девка, а, видимо, немолодая тети Дашки, Грачев смалма и другое открытые: ее замес все любил и вспоминал добрым словом, а к нему относятся недоверчиво и пренебрежи-

тельно, словно и не было у него никаких проблем засуд.

Уже исторженным и мрачным подъезжал он ко второму агрегату. Трактор и комбайн стояли, поджидая его в недоброй тишине. Ненастьные лошасти подоброричка, застывшие над валками, походили на раскрытую пасть чудовища, изнемогающего от жажды. И точно: четверть часа назад в радиаторах выкипела вода, и Грачева здесь костили самыми последними словами.

— Где тебя черти носят?

— Ты бы посмотрел, как тети Дашка работала! Никогда не охладывала.

А кто-то добавил с усмешкой:

— Хал! Ему до тети Дашки, как студенту до профессора.

Был самый накал жаты, и Грачев понимал этик амод. Но он не мог смаргаться с тем, что ругают именно его, сержанта запаса. Да и виноват ли он, что в радиаторах так рано выкипела вода? Видимо, нужно время, чтобы познать какой-то непонятный график и привыкнуть к нему.

Но ахачи не хотели ничего знать. Они отдалали по три часа в сутки и требовали, чтобы другие работали так же, как они. И постоянно вспоминали о тете Дашке, этой «доброт, безотказной душе». На третий день Грачев уже знал, что она не только возила воду, но и была своего рода агитатором.

Например, пока агрегат заправлялся водой, тети Дашка спрашивала:

— Филиппич, а Филиппич, сколько вчера скоксил?

— Тринадцать и семь десятых гектара, Евдокия Павловна.

— Маловато, Филиппич... До обязательства не дотянул. Что же ты?

Филиппич, тот самый сивый от пыли мужик, который корил Грачева за расплесканную воду, начинала оправдываться, а тети Дашка уже ехала к следующему агрегату и опять спрашивала:

— Петро, сколько вчера накоксил?

— Двенадцать с половиной гектаров, а что?

— Филиппич тебя обогнал, у него тринадцать и семь десятых. Подтянись надо.

И ехала дальше и находила что сказать каждому: сообщить какую-нибудь новость, передать записочку, обронить ласковое слово.

Такой была тети Дашка. А на сержанта запаса Юрия Грачева через несколько дней поинтересовался в бригадной «Колоске» карикатура. Он был нарисован в хромовых сапогах, выглаженных галфе, замасленной набедренке фуражке, с папирсой в зубах — этаным щеголем, облокотившимся в картинной поше повоюку. Под карикатурой шли строчки:

У меня одна забота —
Увильнуть бы от работы,
И хонку я сам на своей
Бил устроить выходной?

«Колоску» вывесили поздним вечером, когда молодежь собралась около вагончиков потанцевать под баян. Все столпились около газет, кто-то засмеялся, кто-то вслух прочитал статью. У Грачева а лицу прихлынула кровь. Еще никогда с ним не распрымали так жестоко! А главное, глумо и несмешно. И не курит он, и галфе у него не такие уж гладкие, и ни разу он не простоявал у водозовки в этакот картинной поше. Чепуха все это!

Грачев резко повернулся и выбрался из толпы. И тут чуть не столкнулся с Павлом Матвеевичем. В молчании они отошли к туалету. Позади уже зашурла баян, зашаркали ноги.

— Трудно! — заговорила Долнок. — Понимаю, что трудно... — Он помогал немного и продажника, удивляя Грачева правотой своих слов: — Это только в кино показывают, что демобилизованному воюну и море по колено, что, дескать, и в мирной жизни он сразу становится героем, и все такое прочее. Нет, брат, я знаю, сам на своей гвардейской шкуре испытал. Военный человек привык жить по одной струнке, а тут — совсем другая. Тут на ранги и звания не больно смотреть...

С тивцевальной пошлостью доносился заинтересованный смех Сивней. Грачев прислушался. А Павел Матвеевич вынул Юрию, что тот не должен обижаться на критику, а обязан благодариться, привыкая к своей новой службе и нести ее исправно, потому что вода в этот степи цены нет.

— А главное, брось гордыню, живи, как все, — заключила Долнок.

Грачев удивился, как этот он высунувает облобок для него возмущение. Может быть, потому, что выговаривала ему старший служака, бывший дователь? И еще он хотел спросить, почему уворачался тети Дашка и где она сейчас, но к ним вдруг подлетела Сивней.

— Юр, пошла тыщевать! — сказала она и погнала Грачева за руку.

Она впервые назвала его не водозовом, а по имени, и Грачев даже растерялся немного, стал упираться и удивился этому еще больше: никогда раньше он не испытывал смущения перед девушками. И только для того, чтобы никто из окружающих не посчитал его сейчас трусом и неадекватным, он поглубже нахлобучил фуражку и под обидительное покровительство Долночка отправился вслед за Сивней.

— Да палов ты на этот! — хохотнула Сивней, пережевывая его взгляд, брошенный на «Колоску» — Полуамеш! Про меня тоже писали, — добавила она с необычайной дерзливостью.

тями глазами. Мысли о границе и своей судьбе одна за другой лежали в голову, извничивая его. Дело было даже не в карикатуре, а во всем, что творилось с ним в эти дни. «Где же вы теперь, друзья-одиночки?» — грустно подумала он, встал, молча запряг лошадей, молча отъехал от кухни.

Неподаемку от колоды его догнала пустая полукорка. Из кабины выскочил Нурпис Ибраев, подошла к нему, стиснула в своих ручищах. Оказавшись, он только вчера, захватив дом, узнал о телеграмме и вот прямо с элеватора, отвез зерно, завернул сюда. Ой, как хорошо, что они встретились! Глаза у Нурписа блестящие, белые зубы так и сияли улыбочкой.

— Садись в машину! Подем ко мне, гостем будешь.

В первую минуту Грачеву хотелось плюнуть на все, пересечь в машину и укатить к Нурпису. Но тут же его охватили раздражение при виде счастливой, самодовольной физиономии друга, которому все трань-трава. И Грачев коротко сказал:

— Не поеду.

— Почему? — насторожился Нурпис.

— Зачем ты меня зовешь сюда? — напрямик спросил его Грачев.

— А что?

— Как что?.. Расписывала ценную романтику, а тут... — Грачев кивнул на пювур стоящих кляч.

— Вот ты о чем... — негромко проговорил Ибраев. — Так кому ж, как не тебе, с этим справиться? Я ж директору так и сказал.

Грачев скрипя зубами:

— Так это твоих рук дело?

— Конечно! Повозишь, пока жатва, потом на курсы поступишь, шифром станешь. Вот как... —

— Ну, знаешь... — перебил его Грачев. — Удружили, называется. Трепло!

Они поругались — жестоко, зло, впервые за все годы дружбы. Тут и возникло у Грачева решение, которое медленно нарастало в его душе с первого дня появления в бригаде и которое он скрывал даже от самого себя.

— Уеду я отсюда!

— Ну и проваливай! — неслышанно завыл Ибраев. — Хочешь, я тебе и билет на поезд куплю?

Грачев молча вытаращил деньги, отсчитал несколько бумажек, протянул Ибраеву.

— Ты серьезней! — тихо спросил Нурпис.

— Так точно!

— Ну, что ж... Куда брать?

— До Рызана. Там у меня тетка живет.

Нурпис укатил, а Грачев поехал к колоды. На следующий день утром он запряг лошадей в повозку и под удалью подал их к кухне.

— Свинца, сама эдакий.

— А ты?

— Мне нужно в контору... — И он решительно шагнул от кухни.

Свинца закричала: — Ты с ума сошел? Кто же будет обед готовить? Нельзя мне скот, саманить! — И вдруг закончила тревожно и тихо: — Юра, не луди, слышишь?

Но Грачев не хотел ничего слышать. Он шел пешком, чтобы избежать извничив вопросов дотошных шифров. Нежданно вляло солнце. Пыльная дорога. Работал в глазах.

В конторе было безлюдно, и Грачев обрадовался: не будет встречи с директором. Очкастый мужчина и рта не успел раскрыть, как сержант привел его к стенке:

— Обрати в часть, вызываю. Не имеете права отказывать в увольнении.

И давка сдаля без боя. На прощание он даже пожелал Грачеву новых успехов в боевой и политической подготовке.

В бригаду Грачев возвращался после обеда.

Шагал по пыльной дороге и навистывала старую добрую строевую песню «Адельмосточная, дашь отпор!». Но на душе было противно. Все-таки сбегает. Да еще наврал.

На пути между озером и бригадой он увидел свою повозку. Она далеко стояла на обочине дороги, у конны сена. Лошади, опустив головы, отлащивались от сальной. Как они отучились здесь? Грачев подошел. У конны лежала незнакома женщина и тихо стонала. Лицо ее, бледное и потное, кривилось от боли.

— Что с вами? — Женщица дико взглянула на него, кусая губы.

— Уйди, бесстыжий!.. — и закричала громко, истопно, а потом зажала рот ладошкой, заглушая крик.

Только тут Грачев заметил темные пятна на бледном лице и все повяло. Он испугался.

— Чем он мог помочь ей? — Что нужно делать?

— Воды... — прошептала спешившая губы... Воды, милая!

И тут в голову у Грачева маленькая догадка: это и есть Евдокия Павловна, тети Даша, бывший водовз бригады.

Так вот почему она больше не могла возить воду! И все-таки встала, возила почти до самого срока, до самого последнего дня. И сегодня снова встала в строй, заменив десертину.

...Грачев наставлял лошадей так, будто выскочил по боевой тревоге. Стоял во весь рост и ухватывал солдатским ремнем с тяжелой металлической пружинкой, он мчался к овиру. Вот и вымучиваю ослепительный блеск стешней воды. На полном скаку, заметая фонтаны брызг, Грачев влетел в озеро.

Вода, та вода, которую он прокипал все время и которую он все сейчас для тети Дашки, была такой драгоценностью, с какой не могла сравниться ничто в мире. Каждую каплю ее

он готов был понести в ладнях, лишь бы там все кончилось хорошо.

И он успел. У конны уж хлопотала новость откуда являлась Свинца. Евдокия Павловна терпела последние свои мучки, и Грачев отошел в сторону. Потом раздался звонкий ребячий крик, и Евдокия Павловна стихла.

— Живой? — окликнула Грачев через палец.

— Живой! — ответил Свинца.

— Кто?

— Мальчишка!

И Свинца спит что-то стала драть там, а Грачев в бессилии опустился на жесткую шпину живныя. Все перевернулось в нем, и он увидел себя словно со стороны. Как же так?

Он считал себя уязвленным и распотанным, а тети Даша совсем и не думала про это — скормило и терпеливо несла свою ношу. Да и какая же это ноша? Ведь вода — жизнь. Почему же он не понимал этого? И почему он думал, что только на границе настоящей жизни, а здесь все скучно и инертно?

Вода оказалась и вскоре приблизилась знакомая Павловна. Нурпис Ибраев кивнул Грачеву и подошел к Свинце:

— Как же она в поле очутилась?

Свинца ответила шепотом:

— Чей-то делье воду возила. Вот и получила...

Нурпис, зло блеснув глазами, подошел к Грачеву. Тот поднялся, встал навзничу, чувствуя, что минутная тьма в нем родилась другой, новый человек. Не глядя на него, Нурпис протянул железнодеревянный билет:

— На, до самой Рызана.

— Ты опоздала, друг! — сказал Грачев.

— Почему опоздала? — удивленно посмотрел на него Нурпис. — Ничего не понимаю...

— Рындяя я тоже не понимаю... — коротко ответил Грачев, но билет все-таки взял.

5

С тех пор прошло три года. И вот я держу этот железнодеревянный билет в своих руках. Коричневый кусочек картона с обозначением стоимости, станции отправления и станции назначения. Его так и не коснулся компостер кондуктора. Он пролежал все это время в семейной шкатулке Грачевых вместе с какими-то бумажками, старыми пугонками и прочей мелочью.

Встряхнул все это на сто и подвал мне билет, жена Грачева Тамара с усмешкой заметила: — Может, и про остальные описать тебе будет! — И она засмеялась, вскинула на меня свои зеленые как оскрепки глаза. Да, Свинца оставалась Свинцей.

Сам Грачев помалкивал, смущенно поглядывая на жену, то на билет в моих руках. А я смотрел на этот билет и думал: «Много бывает разных семейных реликвий, а такой — цены нет».

Лесхоз

Д. СУХАРЕВ

Неровно и ровно,
Навалом и в ряд —
Бревна,
Бревна пестрят.
Гора древесных,
Другая гора.
Вагоны, дрезины,
Крюки, трактора.
И санстои, и ревом,
и вагом колес
Все ластом к бревнам.
И это — лесхоз.

Как заяц, раскос.
И — бревна.
И все это вместе — лесхоз.

И полночь лесхоза
Под звездным рюмом.
Но глянь-ка —
Высоза
Сварнулася бревном!
И обкоу не штабеля
Смолистых стволлов,
А штабеля
И сотня накрытых столов!
Здесь ветви — не ветви,
Сучки — не сучки,—
Бедовые фрейты,
Тугие смычки.
И сосны форсистые
Нарядней невест,
И звезды, валь-сирусы,
Срываюцца с мост,
И мне бы резок
Прокружиться с тобой.
Бросок!
И летит серпантин голубой,
Сладает avvolбно
С маленьких кос...
...И — полночь.
И — сонные бревна.
Лесхоз.

...Гармоника частая,
И гарни свистят,
Девича начальство
Частушкой частят.
А ладно под вечер
Взлетит у леска
Былая, известная
Песня-толка.
Парит в подголовках,
Звенит и звенит,
Змеей подполодной
Слезу леденит.
Распухает от крови,
Гудят комары.
Прытқише дроли
Лохматят вихры.
И месяц бездремный,

Утро

А. ЧЕРНЫШЕВ

Солнце,
Раннее солнце.
Да еще тишина.
Я дежурный,
Я какую варю из пшена.
Я сижу у костра.
И дремлю у костра я.
А вокруг тишина без конца и без края.
Лишь лопочет, лопочет родинки, не смолкая.
А о чем? Не пойму я.
Досяда какал!

Может, просто о том,
Что прохлада нежна,
Или даже о том,
Что прохлада нужна,
Что идут поутру за стадами коровки
И торчат у оленей рога, что коряги.

Или, может, о том,
Как а былые года
Горстка русских людей пробиралась сюда.
Бородаты,
В кольчугах брели и брели
В ожиданье приветливой, щедрой земли.
А цинга доинмала,
А солнце пекло,
А мошки нападала жестоко зело.
И вставали могилы одна за одной,
Зарастая лишайником чалым бедой.

Но, однако, пора.
Открываю глаза:
Догоревший костер,
Подгоревшая каша,
И платка, от зноа белесая, наша,
И прохлада, и травы,
На травах — роса.

Я а палатку вхожу.
Я толкаю ребят,
Но они не встают
И спросоны грубят.
А потом,
Окружив догоревший костер,
Мы едим,
Мы молчим,
Разавался как пополао,
А потом с навальном уходом в простор,
Опустив накомарники, слово забрала...

ПОСЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ «СМЕНЫ»

СЛОВО ЗА ВАМИ, ТОВАРИЩ БОЛОТНИКОВ!

Молодой туапсинский судоремонтник Владимир Куликов создал приспособление, при помощи которого сварщик может на расстоянии регулировать силу тока в сварочном аппарате. Много дней и бессонных ночей пришлось потрудиться изобретателю, прежде чем «ДРК-5» [дистанционный регулятор Куликова] стал достоянием всех сварщиков Туапсинского судоремонтного завода.

О том, каким достоинствам обладает новое изобретение, рассказывалось в заметке «Волшебная палочка Владимира Куликова», напечатанной в № 5 «Смены» за 1960 год.

После опубликования этой заметки в адрес Владимира Куликова со всех концов страны начали приходить письма. Авторы их просят Куликова выслать схемы, чертежи и подробные описания устройства «ДРК-5», спрашивают, когда дистанционный регулятор будет выпускаться промышленностью.

Какова же судьба этого ценного изобретения молодого рабочего? В Государственном научно-техническом комитете при Совете Министров РСФСР оно получило высокую оценку. С положительным заключением его направили в Ленинградский научно-исследовательский институт электросварочного оборудования. В конце марта «ДРК-5» был послан на Выставку достижений народного хозяйства в Москву. Благодаря бы, техническому новшеству, получившему такое широкое признание, обеспечена «зеленая улица». Но вот недавно в редакцию пришло письмо из Туапсе, от самого Владимира Куликова. Автор выражает серьезную тревогу по поводу того, что Ленинградский научно-исследовательский институт электросварочного оборудования уже больше чем полгода ничего не предпринимает для внедрения «ДРК-5» в производство.

Редакция связалась по телефону с институтом. Мы узнали, что изобретение В. Куликова действительно признано ценным, но тем не менее дело до сих пор не сдвинуто с мертвой точки.

Когда же наконец каждый сварщик получит «волшебную палочку», так облегчающую его труд!

Хотелось бы услышать, как ответит на этот вопрос директор института тов. Л. А. Болотников.

А. СМОЛЬНИКОВ

Если ты утомишься в пути,
На минуту к земле припади.
Здесь когда-то кипела бой,
Здесь лежал одноклассник твой.
Слышишь, шепчет упрямю травя

Недопетой их песни слова!
Этой песни запомни мотив:
Эта песня для нас, для живых.
Не теряй эту песню в пути,
Потому, что нам дальше идти.

В. ЛЕДНЕВ

Смена

Ты знаешь степь...
Мы не смогли
Забывать в длительной разлуке
Цвета и запахи, и звуки
Открытой всем ветрам земли.
И в детстве жить спешил:
Скорей,
Скорей летите, дни за днями!
И на бегу дробил зубами
Ржаные ребра сухарей.

Какой обед!
Долой обед!
Мы обойдемся без обедов!
И сокрушено: «Непоседа!» —
Роняла мама сыну вслед.

Под солнцем злым прожарил
плоть,
Как ржавый воздух,
Я бужал в году,
И пыл навстречу пароходу —
Крутые волны побороть.

С худым клеймом озорника
Я в мяк лею,
И прыгал с кручи,
И кожу рвал о зубы сучьев,
Чтоб сильным стать навертника.

И было людям
Неудомек,

Что я имел черты другие,
Что я любил цветы степные
Искать подальше от дорог.

Я не жалею последних сил:
Шел по цветы в такие дали!
Но, чтоб друзья не осмеяли,
Домой цветы
Не приносил.

Не приносил...
Но не беда!
Зато лазоревое небо
И степь бронзового хлеба
Во мне остались навсегда.

Минуло много лет с тех пор,
Но в памяти засели крепко
Польня,

чубрик, ковыль,
И тот, суренка
Лазоревый простор...

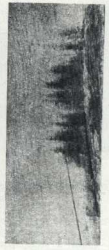
Пусть не пришлось мне сеять
рожь
И вспарывать равнину плугом,
Но степь ныне стала лучшим
другом.

Ты знаешь степь,
И ты поймешь.

ПИСЬМО ИЗ КИТАЯ

...Я преподаватель лесного техникума КНР. Очень люблю собирать образцы древесины, на которых имеются естественные узоры, и фигурки лиц, зверей, пейзажи и т. д. Я собрал уже довольно большую коллекцию. Посылаю вам два фотоиснимка. На одном из них «Глобус» мира. Обратите внимание, на он похож на рисунок художника Пингмао!

Чэн Сяо-эн

РАЗОРУЖЕНИЕ — ПУТЬ К ПРОЧНОМУ МИРУ

ПРАВДА
ИЗДАНИЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ
ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ
Президент Н. С. ХРУЩЕВА

МИР БЕЗ ОРУЖИЯ — МИР БЕЗ ВОЛН!

ВРЕМЕНИ СОВЕТСКОГО РАВЕНСТВА
ИЗ ВОЗРАСТАЮЩЕЙ ЗАПЯТЫ И ВОЗРАСТАЮЩЕЙ ЗАПЯТЫ

Бомба падает радом со школой

Австралийский ребенок был ранен в результате взрыва бомбы в школе в штате Нью-Йорк. Бомба была сброшена с самолета в районе школы. В результате взрыва погибли двое детей и ранены трое. Школа была повреждена.

КОГДА ИСПОЛНЯЕТСЯ 16 ЛЕТ...

Есть в Чехословакии замечательная традиция: лет, обучаются танцам. Достигли шестнадцати своего своего представить, как молодые люди танцевать в день открытия курсов танца, все платных и празднично одетых девушек в больших танцев. Это их первый выход в «большой свет».

Мелочи

АВСТРАЛИЯ

Доктор Анна Сандерленд из Мельбурна услышала по радио сообщение о том, что в Австралии, которая первой продала еду, и догадался, что у нее такое же имя, как и название одного из широко рекламируемых сортов хлеба, поучил призыв в 280 долларов.

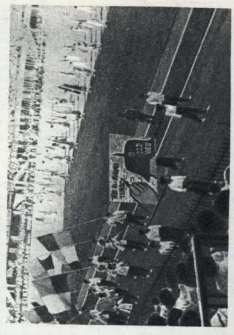
Анна сразу же отправилась в магистрат, изменила свое имя на Мелодий Трехм (название бисквита) и получила призово.

ИТАЛИЯ

В официальном списке грехов Ватикана упоминается следующее: 1) обгон автомобилей на повороте, 2) превышение допустимой скорости, 3) стоянка в запрещенном месте.

США

Бывший заключенный тюрьмы «Вавил Хилла» Говард Тринк попросил дирекцию тюрьмы взять его обратно. Тюремные власти в счет награды за первый выход в результате несправедливого заключения свое желание, что на свободу чувствует себя очень бесповоротно.

«НЕП» — ПЕРЕВОРОЖУЩЕЮ ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

ТАКУЮ НАДЕЖУ, КАК ВИДЕЛИ НА ПАРТАДЕ, ПОСМОТРЕВ НА НЕП

С ПЕРВОГО НАМНЯ

Вала ТРОМЗА — общественный инспектор.

Фото И. Стеца.

Толубой автобус летел по асфальтовому шоссе из Минска на юго-запад. За обочинами полблескивали прогнанные болот, болота сменялись судными сутлинными полями, нахлым перелесками. Начиналось Полевье.

Когда позади осталась Слуцк, девушка, сидевшая рядом со мной, приподнялась, глядя в даль.
— А вот и Солгорицк. Полтора года назад я сюда подругу провожала — ничего здесь не было, а сейчас уже издаലെка видно!

Мы разговорились, и Ката, бетонщица Минского бетонного завода, рассказала, что едет она на воскресенье к своей подруге Лиде. Лиде Савчук работает каменщицей в Солгорицке и уж очень рксваливает в каждом письме своей горюд.

— Я-то знаю, будет уговаривать в Солгорицке остаться. Как будто лучше его и нету... Особенно про общежитие все уши прожужжала. И то и се — как будто не общежитие, а дом родной. Знаю я этот дом, сама в общежитии живу...

Ката замолчала, как будто продолжая про себя спор с подругой, потом заговорила опять.

— Ну, хоть посмотрю, что за Солгорицк. Только пусть не думает, что останусь, мне и в Минске хорошо...

А город уже стремительно надвигался на пассажиров конусами гигантских шатных копров, светлыми массивами кварталов. Мелькнули стоящие по обеим сторонам дороги статуи шахтеров с отбойными молотками, и автобус помылся по прямым шнестым углам мимо трех- и четырехэтажных домов из синякитного кирпича.

Рядом с широким проспектом, неулыбко поворачиваясь на будущих газонах, маленький экскаватор аккуратно работал ковшом, и каждое его движение означало, что готова еще одна ямка для саженица. За экскаватором

шли девушки, и одно за другим выстраивались в прямые аллеи молодые деревца. В тот день солигорцы разбивали небольшие парковые рощицы возле общежитий, тех самых, которые ехала посмотреть моя соседка по автобусу Ката Рылок.

ДОЛЖНОСТЬ ЛИКВИДИРУЕТСЯ

Откровенно говоря, Зине Люцко в первые дни на стройке не повезло. Когда она, маленькая, в платочке, по-деревенски повязанном до бровей, пришла в отдел кадров, там была самая горячая пора. Комсомольцы со всех концов республики и широкоплечие добласские проходчики, приехавшие помогать белорусам, толпились в коридорах, бегали по кабинетам, оформляли документы, получали направления в общежития.

Измученный начальник отдела кадров, узнав, что у Зины нет никакой специальности, всплился.

— Еще одна! Да сколько вас таких! Понимаете, что не можем мы обучение наладить сразу, не можем! А разнорабочих уже достаточно.

Но когда Зина робко повернулась и, не зная, что же ей делать, пошла к двери, он устало остановил ее: — Ну, хорошо. Устрои. Уборщицей в жуноское общежитие пойдешь? Так и стала Зина уборщицей.

Утром, когда ребята уходили на работу, она мыла полы в комнатах и коридорах 10-го общежития, наводила порядок, вытирала пыль. Потом садилась в красном уголке с другой уборщицей — Ниной Стекуро, — обсуждали свое невеселое житье.

А в жизни общежитий назревали перемены. Началось с того, что у ребят как-то раз зашел разговор о порядке.

— Смотрите, что получается! — возмущался Леонид Бернадский, невысокий, коротко

стриженный бригадир грузчиков, староста 9-й комнаты. — Вчера мне Федя Лизунок из первой комнаты жуаляется: Прокопален, мол, какой раз льняной в комнату приходит, вчара и спешовне на кровать завалился. А сажень — у него один ответ: «Не дома живу!»

Разгорелся жаркий спор. Подошли девушки из соседних 13-го и 8-го общежитий. Рая Якимова, комсорг УНР-122, узнав, в чем дело, подхватила:

— Работаем мы неплохо, за звание бригад коммунистического труда борема, а вот с бытом неважно. Почему? Да потому, что дела нет нам до общежития: знаем — уберут за нас. Вы вот, мальчишки, спорите-спорите, а толку что? Посмотрите, сколько грязи в коридоре! Сами бы убирали — так каждый бы ноги стал вытирать.

— Чего выдумала! — раздался из угла чей-то голос. — Может быть, и полы мыть рабочего человека заставишь!

Рая резко повернулась:

— А хоть бы и полы! Вот мы вчера так и решили: хватит, не нужно нам уборщиц. Сами будем и комнаты мыть после работы, и коридоры, и белье стирать! Давайте-ка посоревнуемся за звание общежития коммунистического быта!

— А девчат-уборщиц куда устроишь? И тогда Иван Чеботар, известный всей Белоруссии бригадир каменщиков, человек опытный, предложил:

— Возьмем по бригадам. За два месяца классными каменщицами сделаем! На другой день Зина Люцко едва дождалась Нину.

— Слышала? Наши должности ликвидируются, а нас в бригады берут. Я уже договорилась. Пойду к Чеботарю!

И они в последний раз до блеска вымыли полы, как никогда, уборки комнаты.
— Пусть ребята напоследок посмотрят, пусть поучатся!

ВАША КОМНАТА

Слово предоставляется кандидату искусствоведения Марии Чересиской.

Миллионы людей выезжают в новые квартиры. И миллионы задают себе вопрос: как сделать квартиру красивой и удобной для жилья, для отдыха, для работы? Это же интересует и тех, кто живет в старых домах. Можно ли в старых квартирах создать уют? Можно ли сделать их по-

жими на те привлекательные интерьеры, которые мы видели в журналах, на выставке лучших образцов мебели в Черемушках или на Польской и Чехословацкой выставках? Конечно, можно. Надо только с охотой азаться за дело, проявить настойчивость, изобретательность и хороший вкус. На это потребуются не так уж много сил и средств, как думают некоторые.

Прелесть и огромное преимущество современной мебели и других предметов быта именно в том и заключается, что они необыкновенно просты, дешевы, изящны и экономичны. Для них вовсе не нужны обширные квартиры и большие денежные затраты.

Сейчас не принято украшать свои дома дорогими гарнитурами, резной мебелью, голбеланами и коврами ручной работы, плетеными и суконными драпировками. Красота современной комнаты создается вовсе не за счет сложности и богатства форм: ее создают

продуманная планировка мебели, отличающаяся простотой, умелое использование цвета и фактуры дерева, гармоничное сочетание цвета тканей и других материалов, умный и строгий подбор декоративных элементов (ваз, керамичек, цветов и т. п.).

И некоторых из нас послужило убеждение, что наши квартиры очень малы и дитя исключительно уютных и любимых мебели. Вот почему во многих квартирах поразительной неуютности гармоничной мебели, никакой не связанной с действительными потребностями людей. Обстановка занимает чуть ли не всю жилую площадь! Получается, что мебель здесь взаимне людей, которым она якобы служит.

Все ли эта мебель действительно нужна? Конечно, нет.

Наряду с громоздкой мебелью огромное значение приобретают всевозможные украшения: картинками,

диванными подушками, салфетками, вазочками, фигурными figurинками и т. д. Все это усиливает тесноту и неудобство. Давайте подумаем, а не будет ли вазочка или figurинка лучше выглядеть без них?

Многие почему-то считают, что для того, чтобы красиво обставить комнату, нужно затратить больше средств, чем для того, чтобы всегда помнить, что дорогие вещи далеко не самые красивые, а продуманно подобранные вещи можно просто и со вкусом обставить свою комнату.

Квартира, в зависимости от того, кем она обставляется, помогает или мешает человеку жить. Поэтому, прежде чем начать продавать, чему оно должно слушаться и что является самым существенным, а что — менее важным. Только тогда можно достигнуть каких-либо результатов, сделать свой дом по-настоящему удобным и по-настоящему красивым.

ХОТИТЕ СТАТЬ ВИДИМЫМ?

Расширению науки Анна Шоковава.

Это было на стадионе. Шло легитимистическое соревнование, и на трибунах, как всегда, волновались. Рядом со мной разместились небольшая компания молоденьких дам. Двое из этой группы привлекли мое внимание: девушка с очень понравившимся лицом и милый улыбочкой и худощавый парень, делающий зарисовки в альбоме. Набралось несколько фигур спортсменов, уюша стал рисовать свою содеву.

Но вдруг карандаш, мягко и верно начертивший немой профиль, неуверенно остановился: рисунок плеча явно не давался художнику. Некрасивая линия сутулой девичьей спины портит

портрет, и это, видимо, огорчило юношу. Но после мгновенной паузы карандаш все-таки изобразил яругую спину, ввелу линию плеча и руки. Было обидно смотреть на этот слишком правдивый рисунок: милое, образное лицо девушки — и вдруг такая померлая фигура — образцы плохой осанки.

Осанка! В ней раскрывается истинная краса нашего тела. К сожалению, очень немногие молодые люди думают об этом.

Легкая походка, расплавленные плечи, ладная, станная фигура... На такого человека что ни найдешь — все ему и лицу. Всецкая податливость, организованность влиются и на настроение.

Может быть, это покажется странным, но осанка существенно сказывается на нашем здоровье. Сбалансированная грудная клетка мешает дыханию, затрудняет работу легких и сердечной-сосудистой системы, усоряет ижесть мышечной ткани, снижает работоспособность человека.

Природа создала человеческое тело удивительно

— Какое прически модны в нынешней сезоне? — спросили мы мастера парикмахерской «Молодость» Евгения Ханиова.

В ответ на наш вопрос я хотел бы рассказать читателям и особенно читательницам «Смены» один случай, — сказал он. К моему зеркала кан-то села девушка с приятным лицом и роскошной, пушистой косой. Наши мастерицы сбежались посморгать на редкую косу. Все в один голос отговаривали девушку сделать ее. Но та твердила, что это не модно, и в конце концов резко заявила, что это не личное дело.

И вот «ее личное дело» было сделано. Но как изменилась наша требовательная клиентка! Вместо гордой головки, оплывавшей косой, укрывавшей довольно мелкие черты лица, на нас открылось великолепное, обрамленное, плечико, самой модной прической.

Она вышла из парикмахерской на улицу, и ее новая прическа сплилась с тысячами так же подстриженных голов.

Так что, видите, отвечать на ваш вопрос не очень легко, — заметил Евгений. — Наш, пока небольшой, опыт («Молодость» открылась в конце прошлого года) подсказывает, что

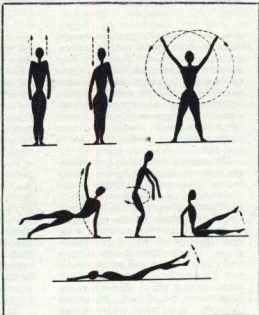

гармоничным, его пластично и пропорциональность можно только восхитаться. Но как уметь сохранить, сберечь то, что дано тебе природой. Плохая осанка — это признак всего признака неравного отношения к себе. Вы сонливаетесь? Что ж, попробуем разобраться вместе.

Наша поза зависит от напряжения мышц: ведь ноги перемещаются лишь силой мышечных сокращений. Для гармонического развития тела необходимо, чтобы все мышцы, насколько это возможно, были нагружены равномерно. При неправильной же позе (особенно часто это бывает в юношеском возрасте) мышцы тянут позвоночник преимущественно в одну сторону, и он в конце концов начинает деформироваться.

Постоянное напряжение мышц одной стороны спины ведет к неравному напряжению других мышц, прежде всего шеи. В результате голова понуро опускается, руки безвольно свисают, грудная клетка западает. Иной раз взглянешь на такого молодого челове-

В следующих выпусках «Университета» мы расскажем о том, как сделать новую красавицу, научитесь правильно отбирать для нее вещи, напомним основные принципы, которые должны быть положены в основу внутреннего убранства современной девушки.

на и подумайте: до чего же несладкий! Можно ли этого избежать? Конечно. На работе, дома, на улице — словом, везде следите за своей позой.

Свой день начинайте с утренней гимнастики. При помощи самых несложных упражнений можно сохранить свою фигуру, избежать сутулости, омертвения, дряблости мышц.

Для того, чтобы голова держалась прямо, надо укреплять мышцы шеи, делая движения головой, вперед, назад, поворачивая ее направо и налево.

Девушкам, чтобы добиться стройной фигуры, необходимо упражнять мышцы передней брюшной стенки. Наклоны и вращения корпуса укрепляют эти мышцы и, кроме того, улучшают кровообращение.

Но легким гимнастическим упражнениям хороши только как часть физической закали организма. Надо регулярно заниматься спортом, плавать, бегать, чтобы оставаться быстрыми, стремительными, подтянутыми, танцы, танцы создали тебе природу.

Вас приветствуют австрийские девушки, которые недавно в Москве показывали новые модели одежды нынешнего сезона. Московская эта выставка доставила удовольствие.

главные в подборе прически не моды. Знаменитый французский писатель, Болгарский сказал: «Модно то, что вам идет». При выборе прически нужно учитывать особенности лица, фигуры, туалета.

Поседевшая прическа должна быть удобной, красивой, но простой и не должна требовать слишком много хлопот. Простота, легкость, повторение — вот основные требования, предъявляемые к ней.

К праздничному убранству волос могут добавляться новые линии, часто такие, которые непримельны для каждого дня. Сейчас модны различные украшения, дежорирующие прическу.

Если наши девушки будут внимательно и требовательно относиться к выбору прически, разбираться в ее смысле, то к той естественной красоте, которой издавна славятся русские женщины, прибавится красота декоративная, выражающая индивидуальную красоту.

И, конечно, далеко не все критически относятся к моде. За примером далеко ходить не надо. Не так давно на обложках зарубежных журналов

и каталогов замечали так называемые «хвосты», и некоторые наши девушки поспешили перенять новинку. Они не знали, что «лохматая» прелесть этой прически была осmena самим же Западом, там как это случилось после упражнений... Прическам, которые мы предлагаем, можно дать любое название, но смысл их должен оставаться с обычными: необходимо подчеркивать те совершенные черты, которые имеют лицо и ступенчатость, то, что нарушает его овал.

Чтобы не обидеть юношей, мы обратились и к мужскому мастеру — Паулу Поллоу.

— Основное в новых прическах — строгость линий, сказал он. — В мужских моделях, как и в женских, наблюдается стремление и естественности, непринужденности. В нынешнем сезоне модны коротко подстриженные волосы, которые придают мужественный, спортивный тон всему облику. Мужская прическа, оставляющая волосы длинными, которую недавно носили юношеские тендующие на «модность», рядом со строгими и угловатыми линиями выгладит нерышловой и неаккуратной.

ЭТО ПОДЛЕВНО ЗАПОМНИТЬ

ЛУЧШИЙ ПОДАРОК

Часто еще можно услышать от юных молодых людей такую фразу:

— Ну вот еще пойдя и по улице с цветами, как жених!

Это ложное чувство стыда вызвано не чем иным, как недостатком внутренней культуры.

Цветы — лучший подарок во многих случаях жизни. Если вы идете на свидание

и девушке подарите ей большую букетик нежных ландышей, незабудок или фиалок. Для выбора цветов не дню рождения лучше обратиться за советом в цветочный магазин: там помогут подобрать красивый букет.

Цветы всегда обрадуют мать, учительницу, коллежку дома, куда вы направляетесь в гости.

Надо помнить, что, преподнося цветы, никогда не следует отдавать их завернутыми в бумагу.

«Я ИСКАЛ ЕЕ ПЯТЬСОТ ДНЕЙ...»

На морском вокладе Неаполя я разговорился однажды с человеком лет двадцати пяти, светловолосым, в сером, немного потертом костюме, с маленьким челмаком.

— Франческо Педрони, — представился он, — адвокат...
— Вы по делам? — спросил я.
— Еду на работу.

— Ваша компания, видимо, в Палермо?

Он чуть покраснел, долго молчал, а потом вдруг, перейдя на шепот, сказал:

— Адвокатской конторы у меня нет. Я буду работать в Монделло оффитингом. Надо же что-то делать. Два года назад окончил университет, а работы нет. Я искал ее пятьсот дней. По без протекции куда устроиться?

Вы поймите, мне больно и стыдно говорить об этом; адвокат оффитинг! Об этом ли я мечтал?

Разумеется, мечтал он когда-то не об этом. Он мечтал о хорошей работе по специальности и о хорошей зарплате. Он, сын очень небогатых родителей, надеялся, что, став «интеллектуалом», сможет наконец помочь своей семье выбраться из вечных денежных затруднений, чтобы его мать перестала считать по утрам последние сольды.

— Разве так мечтаете? Разве это мечту? — можете спросить вы. Ведь это же элементарные требования, которые юноша или девушка, окончившие учебу, вправе предъявить обществу! Это так. И в Италии мечтают о большем. Но как часто мечты эти развиваются капиталистической действительностью, как часто жизнь развеивает иллюзии, ломает надежды, загоняет человека в угол! О большем ли мечтать, если нет никакой молодой энергии, если не к чему приложить руки, если оказывается, что знания, полученные тобой в школе или университете, никому не нужны?! Безработица калечит душу тысячам юношей и девушек. Я знавал в Риме парней здоровых и сильных, честных и энергичных, которые после многих лет безнадежных поисков работы в отдаленных провинциях преступлений; арест, суд,

тюрьма — и вечный позор, вечный черный список, новое преступление — и снова тюрьма...

Конечно, я не оправдываю этих парней: есть другие пути борьбы против несправедливости. Но, откровенно говоря, их можно понять, как можно понять Франческо Педрони.

Вторично я встретился с ним через год. В большом зале гостиничного ресторана ко мне подошел вышкolenный лакей. Он узнал меня и фамильярно подмигнул.

— Поговорим, Франческо?

— Поговорим, только завтра утром, когда я не сплю.

Утром, расстнувшись на горячем месте плажки, мы продолжили прерванный год назад разговор.

— Как же ваша адвокатура?

— Да ну ее — адвокат он ружей. Я уже и забыл о том, что когда-то учился. Даже книги читать перестал. К чему?

— Вы, что же, довольны своей судьбой?

Сдохнет лошадка, пока подрастет травка. И запретил себе думать о недовесоме. Пускай другие ломают себе голову. Я устроился... Туристы, чаевые... Жизнь.

Франческо Педрони стал циником. Его уже ничто не интересовало. Жизнь остановилась. У него осталось только прошлое. Общество, в котором он живет, жирной чертой перечеркнуло его будущее. Поймите мне правильно: профессия оффитинга — профессия, как другие. Одному она может быть по душе, а другому — нет. Но молодой неоплативен выбрал отнюдь не то, что ему было по душе. Вот такой же, как и я, только чуть постарше, оффитинг в гостинице «Савой» курортного альпийского городка Кортина д'Ампеццо говорил мне:

— Я учился в Сорбонне и Болонье, я знаю восемь языков. Но философия, которую я изучал, увы, только духовная лирика. А я женат, и у меня есть сын...
«Дороги, которые мы выбираем» — озаглавил свою книгу о советской молодежи писатель Александр Чаловский. Это название, по-моему, передает то глав-

ное, что отличает судьбы нашей молодежи от судьб молодежи капиталистического Запада. Как правило, советский юноша или советская девушка сами выбирают тот путь, по которому они пойдут. Их их нередко бывает довольно трудным. Однако не в трудности дело: ведь он, этот путь, избран свободно, — вот в чем суть.

Молодежь Запада такой свободой лишена. Ведь не были же свободны Франческо Педрони из Неаполя и доктор философии и лингвист из гостиницы в Кортина д'Ампеццо! Разве свободны те десятки тысяч юношей и девушек Италии, которые годами — я не преувеличиваю, — годами ищут первой в своей жизни работы? Их судьба определяется случаем, слонной игрой обстоятельств, кошельком родителей, протекцией попа или полицейского комиссара.

«Молодой человек ищет работу...» Газеты заполнены такими объявлениями. Но как редко я встречаю объявления, где молодоу человеку работа предлагалась бы! Помните, журнал «Вне новуме» писал, что если количество безработных в Италии

ежегодно будет сокращаться на 70 тысяч, как это, по официальным данным, происходило в 1958—1959 годах, то понадобится не менее тридцати лет, чтобы уничтожить двумилионную армию людей, не имеющих работы. Однако такое предположение ничем не оправданно. Благоприятная экономическая конъюнктура в стране вряд ли долго продлится, а посему решение проблемы безработицы, горько иронизирует журнал, придется отложить на третье тысячелетие нашей эры.

Разумеется, нам, людям, выросшим в иных условиях, трудно даже понять, что такое не иметь работы. В горной деревне Сан Франческо воле владименской ограды пельми днями сидят крошечные ребята — они ждут внимания: ась, кому понадобится пара рабочих рук.

Да, безработица — самая страшная трагедия итальянской жизни. Автоматизация производства, механизация сельского хозяйства, неравномерность развития различных районов страны приводят при капитализме к тому, что безработица превращается в подлинно национальное бедствие.

Трактор-танDEM

Вам, наверное, приходилось наблюдать, как два танка следуют за плугом по полю. Однако есть работы, где такая старая техника совершенно бесполезна. В технике для танков машин даже есть специальный термин — тандем.

Недавно Всесоюзный научно-исследовательский институт механизации сельского хозяйства

создал опытные образцы трактора-тандема. Два владименских трактора «Т-28» соединены в одну машину и управляются одним человеком. Первая ниюла с ними сняты. Новые трактора-тандемы предназначены для пахоты и других трудовых работ. Испытания.

Фото О. Кузьмина.

Электронный инженер

Сосем недавно об электронных счетно-решающих машинах, этих невероятных помощниках человека, мы услышали, как и все одним «чуде двадцатого века». Однако это «чудо» вскоре превратилось в обычное. Повседневная явление нашей жизни. Ученые и исследователи, инженеры и производственники теперь просто не представляют своей деятельности без электронных счет-

но-решающих машин, которые экономят огромное количество труда.

На этом снимке вы видите инженеров Коломенского телемеханического завода З. Юффе и В. Илюхина, занятых на электронно-числительной машине «Урал» расчетами, необходимыми для создания новых тепловозов.

Фото В. Мастюкова.

Багда, Багда — волшебный город! Как много знают о тебе, Багда! Как много людей восхищались твоей великой историей, как много людей прожигали само имя твое в те черные дни, когда над Востоком нависла зловеющая тень Багдадского папста и как много людей во всем мире рукописками, революция, свершившаяся здесь, — революция, свалившей ненавистный режим кровавого Нури Саида, привокзала западных империали-

стов. Багда, Багда — волшебный город! Как много дорог идут отсюда во все концы Иракской Республики! Идут дороги на север — в промышленный Мосул и Киркук, идут дороги на запад — к Сирии, идут дороги на юг — в Басру, к берегам Персидского залива.

Идут дороги по шумному Багдаду. Мимо строгого памятника Неизвестному солдату, мимо празднично расписанного павильона советской выставки, которая с таким успехом прошла в Багдаде месяц тому назад, ведут дороги по тем местам, где багдадцы восторженно встречали дорогого советского гостя — Анастасия Ивановича Микояна. Вдоль дорог в пустыни и в оазисах, в просторных и к памятникам города старин.

Манит дорога: она сумит встречи с людьми, она сумит новое, то к чему так лежит человеческое сердце, она ведет в неизведанное, а потому всегда интересно...

К ЮГУ ОТ БАГДАДА

Старик сидит на солнце. Он перестал играть. У него скучно болело плечо — так было всегда перед переменой погоды. А сейчас с Персидского залива дует жаркий ветер.

— К вечеру будет гроза, — подумал старик и селорожидя потрога узловатыми, костистыми пальцами спущенную ногу. — Когда отсюда несет жаром и летит песок, всегда бывает гроза.

— Э, Дауд! — нетерпимо позвала никто не ответил.

— Мальчишка заигрался, — решил старик, — он ничего не слышит. Дети ничего не слышат, когда играют. И ничего не видят. Это хорошо, когда дети так играют... — Э, Дауд! — крикнула старик еще раз, громче.

Слова никто не отозвался. Тогда старик осторожно согнул ногу, морщась от боли. Потом он уперся руками в твердую сухую землю и подвинулся, по-прежнему морщась от боли в колене.

— Э, Дауд! — сердито и громко закричал старик.

— Самым я сержуся! — выругался, ухмыльнувшись, подумав о себе. — Ведь мальчишка заигрался. Нельзя сердиться на детей, которые играют.

Прихрамывая, старик пошел к дому. Там тоже никого не было: все с утра работали на финиковых пальматниках. Старик прошел через дворик и спустился к маленькому каналу, прорытому от Шатт Эль Араба почти к самому дому. Он сел на берег и опустил болящую ногу в воду.

— Вода все лечит, — подумал старик, — сейчас боль уйдет.

Он встал в то, что вода может вылечить все болезни. Он повернул в это давно, лет шестьдесят тому назад, когда шел с караваном от Басры в Багдад через великую

пустыню. Тогда его звали Наср, а не старик, как сейчас. Он тогда отстал от каравана, погнавшись за стормоной ящерицей. Он долго гнался за ящерицей, которая то класала со всех ног, то резко останавливаясь, замирала, оборачиваясь на своего преследователя. Когда ящерица останавливалась, Наср тоже останавливался, потому что зверье исчезало, сдвигался с песком. Тогда Наср начинала идти осторожно, высоко поднимая ноги: он боялся наступить на ящерицу. Он шел, размахивая руками и время от времени поворачивая. Ящерица подступала его спалоту, а потом убежала дальше и снова останавливалась, сдвигаясь с песком.

Наср не заметил, как наступил вечер. Ведь здесь ничего не видно и ничего не слышат, играй! Пустыня из раскаленно-белой стала желтой, а потом розовой. И солнце, поначалу белое, стало желтым, а потом осветительно красным. Небо стало синим. А когда тени становились розовыми, а небо синим, а солнце ярко-красным, тогда приходил вечер.

Наср обернулся и не увидел каравана. Сначала он испугался. А потом подумал: «Ничего, я догоню караван по следам». И прожидая всегда убежавшей ящерице ругательство, он повернул назад.

Но прошло полчаса, не больше, и небо стало черным, песок стал черным, и нельзя было идти по следам, потому что все потонуло в мачкаливой, непроглядной темноте. Ночью подул ветер. И наутро следов вообще не осталось. Вокруг лежала пустыня — хищная, спокойная, безмолвная, без конца и без края.

Мальчишка нашпал через два дня. Он лежал, наполненный засыпанным песком. Он не мог открыть глаз и не мог пошевеливаться — от усталости, жажды и страха. Сквозь звенящую, невесомую дрему он услышал голос караван-башы. Тот сказал:

— Привнесите бурдюк с водой. Надо облить мальчишку водой — из него уйдет болезнь и страх.

Насра окатили водой, и он открыл глаза.

— Пить, — попросил он.

Караван-баша засмеялся, а потом ударил его кулаком по лицу.

— Не смей отходить от каравана! — сказал он и еще раз ударил Насра кулаком по лицу.

ВАВИЛОН, ЗАРАВСАВУИ!

Юлиан СЕМЕНОВ,
специальный корреспондент «Смены»

Фото автора.

Наср вытер кровь, которая пошла носом, и тоже засмеялся от счастья и еще оттого, что совсем прошел жар. Потом его наполнил и даил немой поест. И караван пошел дальше.

...Старик держал ногу в воде. Боль постепенно исчезала. Старик улыбнулся и подумал вслух: — Все плохое боится воды. Боль боится воды. Я же знаю. Вода лечит все.

Второй раз он убедился в этом, когда его ранили. Англичане из «Басры петролеума» выпалили по салуку какого-то праздника и стали ехать по городу на своих «джипах». А потом, ближе к вечеру, они начали стрелять в воздух, в землю и в воду. И они ранили Насра в плечо. Наср сел на корточки и заплакал — не от боли, а от обиды. Его друг, Саид Эль Физз, тоже грузчик, сказал:

— Не надо плакать, Наср. Тут слезами не поможешь. Сначала дай промыть рану. А слезами тут не поможешь. Тут надо винтовками поможать.

Он сходил к реке и принес в плошке воды. Потом разорвал свой плащик, намочил его водой и приложил к плечу Насра. Боль успокоилась, а через недолго рану затянуло белой кожей. Саид Эль Физз старик больше не видел. Пока он лежал дома, Саид арестовали, а потом убили в тюрьме у Нури Саида.

В воду Наср бросил на спарож. Он не мог таскать мешки на плечи: было — превозмозло плечо. Руки были по-прежнему сильными, а плечо боляло, когда поднимала тяжесть. И Наср начал работать на финиковых пальматниках у помещика. Сначала он не умея лазить по пальмам. А потом его научил надсмотрщик. Он учил его, как лазить — кнутом. И Наср стал лазить по стволам быстро, словно обезьяна, потому что внизу стоял надсмотрщик с кнутом и шел английские песенки. А Насру хотелось петь арабские песни — о дальних караванных путях в пустыне, о воде, которая исцеляет, о небе, которое кажется вертикальным, движимым дольками, если смотреть снизу, через стреляющую листву пальм. Ему хотелось петь о счастье, которого не было, но которое должно было прийти, потому что в это время Саид Эль Физз...

...Боль в колене совсем прошла.

Старик вынул ногу из воды, вытер ее ладонями и пошел по тропинке к финиковой пальматике. Там теперь не было надсмотрщика, там теперь никто не щелкал кнутом и не пел английских песен, и потому старик любил ходить туда. На старой пальматике звенели детские голоса: ребята играли, лезая по пальмам непроверенно. Старик останавливался в тени дерева, наблюдая за ними. Старик долго смотрел на ребят. Он увидел своего внука Дауда. Мальчик лезла быстрее всех остальных. Старик вышел из тени дерева и подошел к ребятам.

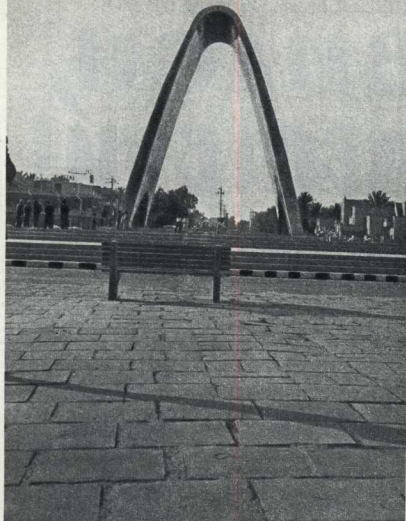
— Саади! — сказал ребятам. Старик ответил им кивком головы.

— Что же вы перестали лазить по пальмам? — спросил он. — Я хочу посмотреть.

И старик сел под деревом, а ребята снова начали свою игру. Старик долго наблюдал за ними, а потом сказал:

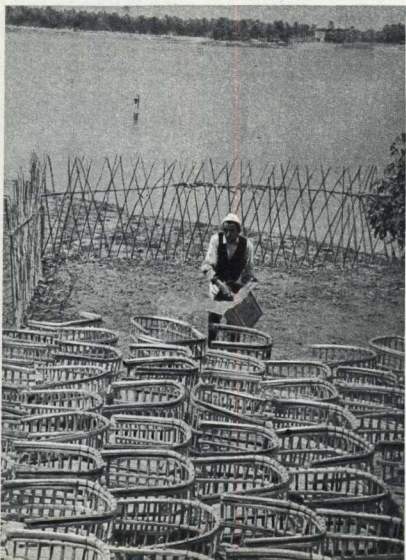
— Вы все не умеете лазить по пальмам. Вы все торопитесь и по-

Памятник Неизвестному солдату в Багдаде.

Маленький ресторан в Багдаде, на берегу Тигра. Ранним утром слункистая мает крысла теплой водой из ренн.

этому не можете понять, какая это радость — лезить по нашим палмам.

Старик подымакс с земли и сказал:

— Вот, смотрите, как это нужно делать!

Мальчишки переглауились. Но никто не засмеялся. Только внук старика Дауд отнерулся, потому что ему стало стыдно за деду. Старика нельзя лезить по палмам: это очень смешно — смотреть на них, когда они лезят.

Старик обхватила пальцами теплый пазучий ствол дерева и поел вверх, перестукая босыми ногами по толстым выступам на коре. Пальма была высокая, и поэтому кора на ней заглубела и стала как камень. Пальма пахла зноом. У нее был запах пустыни — сухой, приятный и резкий.

— Смотрите, — сказала старик, подымавший метра на три, — смотрите, вы лезите, как обезьяны, вы торопитесь и ничего поэтому не чувствуете: ни запаха дерева, ни ветра, который становится прохладным, когда забираться повыше, — вы не смотрите на землю, которая сверху всегда кажется красивее, чем есть на самом деле.

И старик поел дальше. Движения его были плавными, спокойными и поэтому сильными. Правая рука — вверх, следом за ней — еще выше — левая. Быстро подымаются все туловище, а потом переступают ноги, тоже сначала правая, а потом левая. Не надо прижиматься к коре: это — свидетельство страха. Надо держаться тем, как держат обезьяны, — чуть откинув назад, потому что пальма, как и копь, — друг человека: копь возит, пальма кормит.

Старик лез все выше, совсем не чувствуя усталости. Старик постоупил вниз: мальчишки столамолача, задрав головы, и никто не смеялся.

«Значит, я хорошо лезу, — подумала старик. — Дети всегда смеются над тем, что смешно. Они не умеют скрывать своих чувств».

Он лез свободно, как бы совсем не прилагая усилий, откинувши корпус и подывая голову, чтобы все время видеть небо через стрельчатую крову пальмы. И старик, чувствуя, как он красиво и легко лезет, негромко запел. Он запел ту песню, которую мечтал петь тогда, давно, когда на плантациях стояла надсмотрщица с кнутами.

Забравшись на самую вершину, старик почувствовал, как сильно он устал.

С залива шли черные низкие тучи, и в них, как что-то неведомое и грозное, глухо ворочался гром. Казалось, он подочина тучи, торопя их и сердаясь из-за их медлительности.

Когда старик спустился вниз, на руку упала первая капля.

«Вот и хорошо, — подумала он, — будет ливень, он снимет боль в ноге, он влывает землю, а то земля стала настоящей пылью. И воздух станет чистым».

— Ты хорошо лезишь по стволу пальмы, — сказал Дауд, внук Насра, — я даже не знал, что ты умеешь так лезить.

Старик ответил:

— Ты не знаешь многого из того, что знаю я. И — не узнаешь».

Молния резувала потемневше небо, высветая воду в канале и слыша динуть на пальму бело-голубой. Все окрест на мгновение замерло, а потом, заглушая высокий глас

мудзина, который возвещал в селении время намаза, хлынула ливень — шумный, веселый, по-весеннему педрый...

ОНА БУДЕТ БАЛЕРИНОЙ

Ночное варьете в Басре. Прокурные стены, тусклые, засиявшие мухами, вымолоченные аутотетей, толчак, смех, крик. Вокруг эстрады, выложенной прямо посреди зала разноцветными стеклянными плитками, тесно прижались друг к другу, сидят посетители. Кто побольше — расползаясь за столиками; плотный слой с содовой, закуская мигдалом, обжаренным в соли. У входа стоит наряд полиции.

Ревят джаз. Танцовщица очень красивая и очень молодая. Запрокинув руки за голову, она вся в стремительном и неистовом народном арабском танце. Глаза полузакрыты, волосы распущены по плечам. Лицо настолько юное и свежее, что краска кажется ненужной, оскорбляющей красоту девушки.

В дальнем углу, там, где почти совсем нет света, сидят четыре американца. Это моряки с корабля, зашедшего с грузом в Штат Эль-Араб. Лица у моряков медленные от загара. Все они в рубашках с закатанными рукавами, без галстуков. Только у одного старого, долговязого моряка воротнички стнуты «бабочкой». Ботинки тоже обуты на босу ногу. Непосредственность, граничащая с полным пренебрежением к окружающим, потому что все остальные посетители, арабы, одеты в пиджаки, крахмальные воротнички стиснуты галстуками, а ботинки зашнурованы до антрацитового блеска.

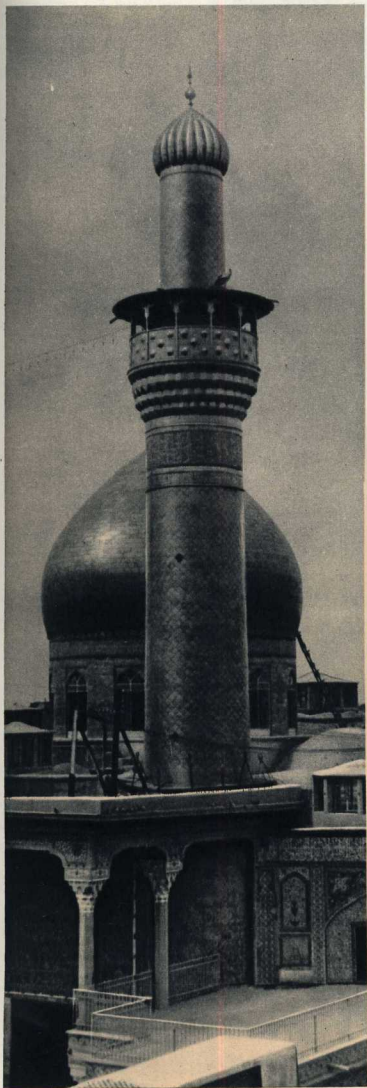
Ритм музыки все убыстряется. Девушка на сцене кружится в неистовом вихре. В зале нарастает восторженный гул. Моряки ликующе поднимаются. Не вступая глаз с танцовщицы. У входа стоят равнодушные полицейские и меланхолично жуют чунгагам.

Все сейчас захвачены танцем. Танцовщица — настоящая, очень талантливая балерина. Ее искусство, великое искусство пластики — то женственно-вкрадчивой, то вызывающе-дерзкой, — заставляло всех собравшихся в этом маленьком варьете чувствовать, если можно сказать так, религиозную, чистую красоту человеческого тела.

Мой спутник, господин Мохаммед, осторожно толкает меня в колено и показывает глазами на американцев. Те уже успели напиться, лица у них побурели, а глаза стали воднистыми, белыми.

Я вижу, как они поднимаются и идут к эстраде. Впереди — самый молодой, двое по бокам. Старик, сераят руки и валимые, застывает шестие. Расталканный зритель, они выходят на эстраду, и молодой парень хватает танцовщицу за руку. Джаз по-прежнему ревет, хотя музыканты настолько же перепьянели, как Юмюна, сидищий в первом ряду, кричит:

— Позор! Вои отсюда! Долговязый американец в «бабочке» замыхивается на юношу. Начинается драка. Танцовщица убегает за кулисы. В драку вступает полиция, и через минуту восстанавливается порядок: американцы

Один из старинных памятников Востока — мечеть в Карбеле.

Уголок строящегося Багдада.

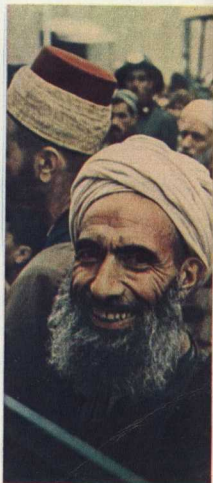
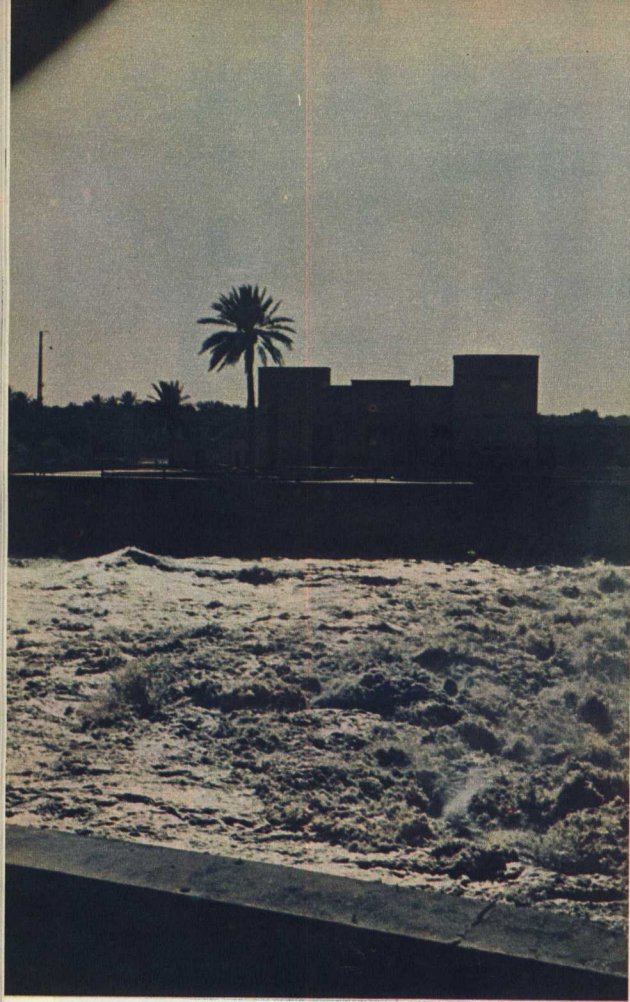

В педагогическом колледже Багдада.

Мой друг Бахр, лодочник из Басры.

Плотина на Евфрате.

Из окна машины можно не только обменяться рукопожатием, но и успеть сделать снимок старика, пришедшего познакомиться с советским человеком.

возвращаются в свой уют и продолжают жить. Долговязый старик безуспешно пытается застегнуть рубашку — все пуговицы оторваны. Молодой парень держит под глазом платок, намоченный содовой водой.

Поздью ночью, когда звезды стали особенно яркими и такими крупными, словно кто-то подтянул небосвод к воде Персидского залива, и снова увидела дивношею танцовщицу. Она сидела в маленьком зале, отгороженном от остального помещения фанерной стенкой. Она была одета в скромное серое платье, наголо застегнутое под подбородком. Девушка устало плала чай и ела бутерброд с сыром и помидорами.

— Вы испугались? — спросила я ее.

Она удивленно посмотрела на меня и переспросила:

— Испугались? Чего?

— Ну, когда к вам подошла моряк...

— Нет, — ответила девушка, — просто очень противно. Они скоты.

— Зачем же вы здесь выступали?

— А где мне еще выступить? — В театре. Ведь вы танцуете великолепно!

— Откуда вы? — спросила девушка и уямбулась. — Наверное, из Москвы?

— Угадай.

— Хотите чай?

— Спасибо.

— Э, Фууд! — крикнула девушка услухому официанту, собирающему пустые бутылки с соседнего стола. — Дай господину чай!

Фууд привнес чай. Девушка вышла из мой стаяки гдейой аальсины, посмотрела, как я отклеиваю платок, и спросила:

— Вкусно?

— Да. Спасибо. Очень вкусно. Сейчас она была совсем иной, эти танцовщицы. Без грима она была еще лучше и красивей.

— Так вы спрашивали, почему я выступала здесь? Потому что пока у нас нет театров. Но они, наверное, скоро откроются. Как вы думаете?

— Думаю, да.

— Когда победят революция, тогда всегда открывают театры, так ведь?

— Так.

— Вот видите. Я же знаю. Я читала, что у вас, в России, очень много театров.

— У нас очень много театров. И еще клубы.

Я хотела ей рассказать про нашу семейственность, но не успела: к столу подошла молодая американка с сыняком под глазом. Парень облокотился о стол и сказал:

— Я стою двадцать долларов на сегодня.

— Отойдите, — сказала девушка очень спокойно, — не то я плюсну вам в лицо горячим чаем.

— Я стою сорок долларов.

И впервые увидела, долговязый старик в «бабочке» и растерзанной рубашке. Он сказал:

— Погдем отсюда. Погдем, она просто дура...

И он оттащил парня.

— Он очень противно, да? — спросила девушка, когда американцы отошли.

— Очень.

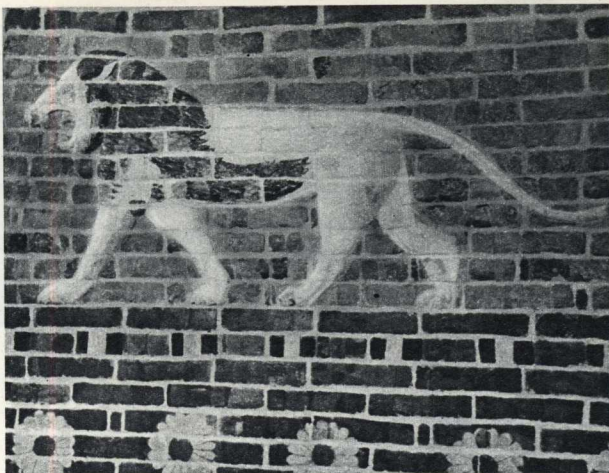
— Нуужно они все такие?

— Не думаю.

— А у нас такие есть?

— Совсем?

— Совсем.

Вот она, настенная живопись Вавилона!

Девушка уямбулась и спросила:

— Знаете, какая у меня есть мечта?

— Не знаю.

Она рассмеялась.

— У меня есть вот такая мечта... Я хочу покататься здесь денет и поехать к вам, в Москву, учиться танцу. А когда я от вас вернусь, здесь уже будут театры, да? Вот это и есть моя мечта.

— Хорошая мечта.

— Я тоже так думаю...

...Когда она ушла в душину, испрслало театрую ночь, мой спутник Мохаммед сказал:

— Это революция. Раньше ее, эту танцовщицу, просто продавали бы здесь. А теперь она думает о том, как нести свое искусство народу. Исто вам, что это значит для нас? Для нашего Ирака?

— На рейде тоскливо, словно во сне, переругивались пароходы. Третьяй цикады. Совно пласкался река. Басра, город, в котором скоро будет театр, сейчас сляп, одетый душной одеждою ночи...

ЗДРАВСТВУЙ, ВАВИЛОН!

«Весь мир знает о революции, свершившейся в Ираке. Весь мир знает, что революция несет возрождение.

Я видел студентов, пришедших в Багдад, и колмажуны из семей маленьких сеелений — раньше этого не было никогда. Я видел поэтов и художников, которые теперь творят для народа, — раньше этого тоже никогда не было. Я видел, как советский инженер пожегма руку иракскому рабочему, инженер — рабочему; раньше этого никогда не было и не могло быть.

Сейчас в Ираке особенно распространена в языке категория будущего времени. Очень часто здесь говорят:

— Мы построим. Мы сделаем. Мы научимся. Нам помогут. Мы добьемся.

И этому будущему времени верить. Начинаешь верить, не только ознакомившись с планами, которые сейчас разрабатываются в Багдаде. Очень веришь будущему, сталкиваясь с великим прошлым этой страны.

Из шумного, своеобразного Багдада, города, где все дышит историей и даже центральная улица называется именем Гару аль Рашида, дорога в Вавилон — недолгая дорога. Через спокойный желтый Тигр, через оазис и пустыню, мимо пальмовых рощ и нескон лежит путь в Вавилон. Едешь и думаешь:

«Каков же ты, отец культуры?»

...Первая мысль, которая возникает после осмотра Вавилона: «Как же несовершенство еще (фотография, и особенно живописцевание) Разве побудит серые рисунки из учебников по истории на Вавилон настоящий?»

Каждая фигура, выложенная из обожженных кирпичей на огромных вавилонских стенах... шедевр искусства.

Если на стенах вы видите нелепое чудовище, вы забываете, что оно кирпичное. Вы видите, как это чудовище крадется, приседая и пробирая остроту когтей. Если вы видите дара, вам не нужно объяснений, каков он был. Он и сейчас грозен, спокоен и царствен.

Если на стенах изваяна царя, то она прекрасна, скромна, ее взгляд сосредоточен и умен — она жежидает, но она царит!

Смотряши на вавилонские стены и убеждаешься: древние не любили многоточия в искусстве

так же, как и не любили они многогласия в поэзии. Искусство должно быть выразительным. Оно должно быть повеством с первого взгляда, с первого слова, с первого движения.

Поражает Вавилом размахом архитектурного ансамбля, мощью и вместе с тем легкостью стен. Поражает Вавилом величием дворца и дерзостью всякого чужда мира — скачущих седых садов Семирамиды. Трудно описать Вавилон — для этого надо быть архитектором и скульптором. Я лучше закончу свои репортажи описанием встреч, которая произошла не в самом Вавилоне, а рядом с ним, около его полуразрушенных стен.

Рабочие берут анализ почвы — нет ли здесь воды. Их трою. Лица слезятся от пота, осмеленно сверкают зубы, веселыми морщинами собраны обгоревшие под солнцем переносицы.

— Добрый день! — говорю я.

— Добрый день!

— Что делаете здесь, друзья?

— Ответим в зависимости от того, кто спрашивает. Вы не англичанин?

— Нет. Я из Советского Союза. Умбик становится еще ослепительней.

— Что мы делаем, спрашиваете вы? Мы делаем новые сады Семирамиды. Их разрушили тысячи лет. Нам нужно восстановить их за три года. Здорово, а?

— Здорово!

Мне ясен смысл их ответа. Сад Семирамиды — обобщенное понятие государственности. Той, которая попрамлась колонизаторами. Той, которая воспрянула после революции. Народ, покочившийся с империалистического тлеток, народ, который чужд миру, может многого добиться. Не за столетия, нет! За годы!

ВОЗМОЖНОСТИ ЕСТЬ, НАДО ИХ ИСПОЛЬЗОВАТЬ!

Фото А. Вурдунова

На стадионах и спортивных площадках идет огромная армия новичков. Но кто даст им путевку в спорт, кто поведет в мастерскую? Сделать это призваны сотни тысяч общественных инструкторов и тренеров. Их очень полезная деятельность Союз спортивных обществ придаст большое значение. Да иначе и быть не может! Ведь само создание союза, перестройка руководства физкультурным движением в стране предполагает самое широкое участие в спорте и физкультуре комсомольцев, профсоюзников и всех общественных организаций.

Потому-то так заинтересовало нас письмо физкультурной Ростовской области комсомольских общественных машин. Их поддержка в своих отдаленных физкультурных центрах Ленинграда, Мурманска, Кубинска, в московском заводе «Калибр». Все они в один голос выступают за то, чтобы комсомольские комитеты по-настоящему заботились о росте и воспитании спортивного общества, покладая ему. Они правы! Если общественные инструкторы будут «оставлять», бросают заниматься с ребятами, в зрелом же возрасте вина местного комитета ВЛКСМ.

О первом предложении ростовчан — заслушивать отчеты общественных инструкторов и тренеров на цеховых комсомольских собраниях — хочется сказать особо. Дело не только в отчетности. Ведь сама по себе она не может привлечь внимания и заботы. Это хорошо понимают ребята с Невского машинострои-

тельного завода: у них «комсомольцы стали душой физкультурного коллектива», комсомольских вожakov можно часто увидеть на стадионе, в спортивном зале, многие из них тренируют заводских баскетболистов, легкоатлетов, шахтистов. Здесь деятельность общественных инструкторов стала кровным делом комсомола.

Общественное подполье в статье «Давайте обсудим» вопрос о спортивном «образовании». Общественным тренерам и инструкторам нужны знания глубокие и всесторонние. Сейчас одного желания и любви к спорту, оказывается, мало. Нельзя представить себе современного тренера, который не знал бы на «отлично» теорию своего вида спорта, не был бы сведущ в анатомии, психологии, физиологии.

По решению Союза спортивных обществ созданы вечерние школы тренеров. В течение двух лет общественные тренеры проходят курс теории спорта, методики, судейства, анатомии, спортивной гигиены. Занимаются они по вечерам, без отрыва от производства. Такие школы действуют в Москве при институте физической культуры имени Сталина, в Ленинграде — при институте имени Лесгафта, при омском, смоленском, льявовском вузах, свердловском, сталинградском, новосибирском техникумах. Они ареномодели себя как отличная форма учебы общественников, и их число будет расти.

Районные и областные советы физкультурных откроют свои школы общественных инструкторов.

«Учителями здесь будут лучшие спортивные специалисты. В связи с вопросом об учебе общественников хочется ответить на предложение инструкторов завода «Калибр» издавать «отчеты» отечественного инструктора — облегченного содержания брошюры, рассчитанные на неспециалиста. Думаю, что в этом нет необходимости. Существуют пособия достаточно популярны. Не стоит к тому же рассчитывать на низкий уровень подготовки общественных тренеров. Советские тренеры, Африки и Кувейта, в Европе, знают о «языке» спорта для инструктора очень мало, это значит остановиться на подлodore.

Теперь о значах «тренер-общественник» — «инструктор-общественник». Конечно, человек, который свободное время отдает занятиям с товарищами и делает это по доброй воле, на общественные дела не рассчитывается и уважения. Для поощрения таких активистов существуют значки «инструктор-общественник». По решению городского совета спортивных обществ его получают инструкторы за успешную работу в течение двух лет. Как видим, многое из того, что предлагают ростовчане и физкультурники других коллективов, уже существует, только не реализуется и осуществляется. Надо лишь полнее использовать имеющиеся возможности!

Е. ВАЛУЕВ, заместитель председателя Центрального совета Союза спортивных обществ и организаций СССР

ДЕЛО ЗА НАМИ!

XIII съезд ВЛКСМ четко определил задачи комсомольских организаций по дальнейшему развитию спорта среди молодежи. И одной из главных является создание коллективов физкультуры в здании предприятий, в колхозах, совхозах, учебных заведениях и учреждениях. Нам предстоит вовлечь в занятия спортом всех юношей и девушек, добиться, чтобы физкультура прочно вошла в быт каждого советского человека. Выполнить это немалым без большой армии общественных инструкторов и тренеров. Ростовецмашевцы, когда пишут, что у нас в ряде комсомольских организаций отношение к этим заданиям командирам спорта порой бывает безразличным. То комитеты ВЛКСМ, которые работают с общественными инструкторами и тренерами, не поняли существа перестройки руководства физкультурным движением. Таких комитетам до-

зници наблюдателей и критиков следует перейти к непосредственной организации физкультурной работы среди молодежи.

Действительно пропагандиста или агитатора рассматривать в комсомоле как важное комсомольское поручение. А разве работа общественного инструктора — члена ВЛКСМ — менее важна? Ведь физическая культура — неотъемлемая часть коммунистического воспитания. И работу общественного инструктора, тренера и судью по спорту надо рассматривать как поручение члену ВЛКСМ. За его выполнение комсомолец должен нести ответственность перед своей организацией.

Надо иметь в виду и другое. У нас в стране физкультурные и комсомольские организации ежегодно готовят на различных курсах и семинарах сотни тысяч общественных тренеров, инструкторов и судей. А кто из них ведет работу с молодежью? Таких ока-

зывается значительно меньше поводом. Добиться того, чтобы на курсы и семинары по подготовке общественных физкультурных кадров посылались преданные спорту комсомольцы, помочь затем каждому из них правильно наладить работу в команде или секции — прямая обязанность комсомольских комитетов. Поэтому ростовчане и ленинградцы правы, когда в вопросе о поощрении общественников. Должен сказать, что комитеты ВЛКСМ редко представляют лучших инструкторов-общественников и награждают почетными грамотами и значками ВЛКСМ и Союза спортивных обществ и организаций. Мы должны поднять роль и значение общественных физкультурных кадров, поощрять лучших, обогащать опыт их работы и распространять его во всех коллективах!

Кроме существующей сети подготки инструкторов-обществен-

ников, по нашему мнению, в каждом городе и районе комитетам ВЛКСМ совместно с общественными советами Союза спорбщества надо организовать постоянно действующие семинары общественных физкультурных кадров с обязательным участием лучших спортсменов, тренеров и преподавателей физвоспитания. Советы Союза должны подумать и о том, чтобы в отдаленные районы и города периодически выезжали из областных центров квалифицированные в вопросах спорта люди. Очень хорошее дело затеяли льявовские комсомольцы, организовавшие с советом Союза и Институтом физкультуры школы районного комсомольско-физкультурного актива.

У нас есть все для успешного развития спорта. Дело за нами, комсомольскими активистами.

В. ЖАВОСОНОВ, зав. отделом физкультуры и спорта ЦК ВЛКСМ

Имя Владимира Шагина хорошо известно любителям спорта. Много годов он был бессменным капитаном сборной команды СССР по волейболу — команды, которая уверенно завоевывала все международные турниры. Любопытная деталь: а 1952 году на чемпионате мира, проходившем на московском стадионе «Динамо», коллек-

тив, возглавляемый В. Шагиным, победил всех своих соперников с одинаковым счетом 3:0. Этот своеобразный рекорд побить невозможно!

Теперь Владимир Шагин — тренер. Он тренировал сборную волейбольную команду страны, а сейчас руководит коллективом столичного «Динамо».

КУДА ИДЕТ НАШ ВОЛЕЙБОЛ?

Владимир ШАГИН

Вот он передо мной, драгоценные реликвии — золотые медали чемпиона страны, Европы и мира, завоеванные в труднейшей спортивной борьбе. Каждая из них имеет свою неповторимую историю, каждая является как бы страницей моей спортивной жизни.

Веру одну из медалей. На ней дата — 1947 год.

И в памяти сразу всплывает незабываемая картина решающего матча за первое место в чемпионате страны. Мы, столичные динамовцы, играли против волейболистов московского «Локомотива». Первые две партии сложилась не удачно. Железнодорожники повели (2:0). В тот год чемпионы впервые награждались медалями, впервые встреч проводились из пяти партий, а не из трех, как прежде. И мы проиграли.

В том же духе складывалась и третья партия. И вот, когда счет стал 14:12, когда нашим соперникам достаточно было провести единственный удачный удар, что бы завоевать победу, в этот самый момент случилось прямо так непостижимое... До сих пор перед моими глазами стоит этот удивительный самоотверженный бросок моего друга Алексея Якушева, вышедшего, казалось бы, безнадёжной мяч... Мы восприняли удар и ценой невероятных усилий выиграли партию...

Четвертая партия — то же самое. Счет немалом увеличился. И опять от победы железнодорожников отделил лишь один удачный удар. Опять мы оказались на волоске от проигрыша. Наступил мой черед вырвать команду... Мы выиграли четвертую, а затем и пятую партию...

Что хотя раз пережить такое, навсегда останется человеком, «отравленным» спортом. Эта любовь возникает в накале борьбы, который составляет главную прелесть спорта. Это понимает каждый спортсмен, начиная от претерпевающего и кончая заслуженным мастером!

Особенно горячо я люблю во-

лейбол. Многие при этом, вероятно, улыбнутся: мол, зачем выклик свое болото хвалить. Но вода и был не только волейболистом. И в футбол и в баскетбол и играл в сильных командах мастеров. Однако волейбол всегда был особенно близок моему сердцу. Вероятно, потому здесь я добился и наибольших успехов. Поэтому и судьбы нашего волейбола волнуют меня больше всего.

А волноваться есть из-за чего! Помните, когда в 1949 году на первенстве мира мы победили со счетом 3:1 сборную Чехословакии, лица всех наших волейболистов издевались прямо-таки растерянными. Да, мы вновь оказались сильнее своих соперников! Однако к радостному чувству победы примешивался и горький осадок: ведь мы проиграли одну партию! В самом деле, репутация советской школы волейбола в те годы была такой, что проигрыш нами даже одной партии являлся подлинной спортивной сенсацией!

Что же случилось с нашим волейболом? Почему теперь в ответственных соревнованиях наша сборная не считает за большой труд проигрывать партию или встречу, а частично довольствуется даже весьма скромным местом в турнирной таблице?

Конечно, есть немало старых спортсменов, которые их прежние достижения рисуются в превратно роковых тонах. Не уподобляюсь ли им и я? Думаю, что нет. Я убежден, что за последние годы наш волейбол не только не шагнул вперед, но — увы! — даже поплыл назад. Сразу же оговорюсь. У нас нет и в виду массовый волейбол — он, безусловно, вырос. У нас стало немало во всех отношениях неплохих команд. Но ведь уровень развития любого вида спорта определяется не только наличием большого количества неплохих спортсменов, а прежде всего качеством сильнейших. Волейболе основным критерием является сборная команда страны. А она явно

сдвинула позицию. Не случайно нами в последние время проиграны почти все крупнейшие международные турниры, и в первую очередь первенства мира и Европы. И тот факт, что многие зарубежные команды стали играть сильнее, никак не может служить для нас оправданием.

Снижение мастерства ведущих волейболистов, на мой взгляд, закономерно. Оно является печальным следствием неверной системы подготовки и выдвигания игроков в сильнейшие коллективы.

Сравним для примера команду, заправлявшую честь советского волейбола десять лет назад, с нынешней сборной. Прежде всего бросается в глаза универсализм прежних игроков. Они одинаково хорошо играли и в защите и в нападении, в совершенстве владели техникой, стремились действовать разнообразно, часто атаковали с первой передачи, что придавало наступательным операциям высокой темп и внесло в игру так необходимый элемент неожиданности. Хотелось отметить и другое. Игроки моего поколения отлично владели тактиками приемами мяча, которые давали им возможность не просто «взять» удар, но и передать мяч партнеру точно, в нужном направлении. Наконец, не менее ценным качеством прежнего коллектива была стабильность его состава. Например, с Алексеем Якушевым мы непрерывно играли вместе 17 лет (!), с Константином Ревой — 13 лет и т. д.

А что представляет собой нынешняя сборная? В ней совершенно очевидно увеличение высокорослыми нападающими, которые, однако, очень неумело принимают мяч и ударили действуют в защите. Стремление разыгрывать комбинации в три шага невольно ведет к замедлению темпа игры, давая возможность противнику разгадать направление атакующего удара. И хотя и то, что почти все ведущие игроки (за исключением, пожалуй, Нила Фасахова) не уме-

ют бить левой рукой, что резко снижает комбинационные возможности команд.

Как правило, наши волейболисты предпочитают принимать мяч обеими руками снизу. При таком приеме очень трудно точно адресовать передачу партнеру. Сейчас вообще стало модным принимать мяч не осмысленно, а лишь касаясь его, не давая опуститься на землю. И это, по моему, снижает четкость игры и, я бы даже сказал, ее продуманность.

Кое-что из читатель, конечно, может возразить: «Позвольте, но ведь и в команде московского «Динамо», руководителем которой мы являемся, дела обстоят не лучше!» Что же, это, и сожалению, верно. Динамовцам тоже свойственны многие пороки, о которых говорилось выше. Не пытайтесь снять с себя ответственности, все же скажу, что в данном случае не все зависит от тренера. Причина кроется глубже — во всей системе подготовки молодых волейболистов. Ведь команды мастеров получают в какой-то мере готовую продукцию — сформировавшихся игроков. И исправит многое подчас бывает просто невозможно.

Вот почему мы хотим обратить внимание общественности на спортивное школьное движение, где куется кадры будущих мастеров. Здесь и только здесь может быть решена важнейшая проблема воспитания настоящих высококлассных волейболистов.

Основные усилия необходимо направлять на то, чтобы юные волейболисты стремились быть не только игроками атакующего стиля, но и владели всем разнообразнейшим арсеналом средств игры. Когда мы начнем воспитывать волейболистов, умеющих действовать разнообразно, комбинационно, коллективно, одинаково сильно и умело на любом месте площадки, тогда можно будет сказать: «Да, главная проблема советского волейбола решена нами успешно».

Рисунок Н. Поливанова.

ПОБЕЗД ДАЛЯН ШАПЛО РАССКАЗ

Далая Шапало — молодой албанский писатель. Его сборник «Возрождение», из которого взят настоящий рассказ, премирован на конкурсе, посвященном пятнадцатой годовщине со дня освобождения Албании. На русском языке рассказ печатается впервые.

В Гырокастре, в квартале Хазмурат, стоит дом Мустафы Кэмбера. Стены его массивны, крыша под белой черепицей. Спрятаясь дом за большим тутовым деревом и выходящим виноградом — с улицы не разглядишь. Стены потрескались, побелели от солнца. Кажется, что за подслеповатыми окнами с железными решетками жизнь течет будничная и истерпанная, как сто, как двести, как триста лет назад.

Но сегодня в доме переполох. Мустафа с женой наивают мешки, перевязывают тюки, а потом со старшим сыном, пятнадцатилетним Сказидо, выносят их во двор. Погода хорошая, дождя не предвидится. Вещи складывают прямо во дворе, чтобы легче было завтра грузить на машину. Младший, чистлетный сыночка, утешение на старости лет, вертится под ногами, просит, чтобы и ему дали что-нибудь понести.

— Брысь, черенок! — отмахивается отец, но не сердится.

Возвратившись в дом, Мустафа замечает жену, сидящую на корточках возле сундука, в котором когда-то хранилось приданое.

— Что делашь, хозяйшошка? — спрашивает он. Но, увидев глаза

жены, полные слез, чувствует, как у самого тяжелеет на сердце. О чем тут спрашивать, что говорить? И сам он готов заплакать. Шутка ли — уехать, бросить дом, в котором прожитая жизнь! За долгую жизнь только дважды Мустафа покидал Гырокастру. Первый раз еще до освобождения — возил в Тирану жемчуг: ее донимала болезнь, которую не мог разгадать даже сам доктор Фолорунг; второй раз совсем недавно, когда дочка написала, что хочет обучиться с Хамитом. Возвращался в Гырокастру с радостью, снова чувствовал себя просто и хорошо, как может чувствовать себя человек только дома.

Каждый день поднимался он до рассвета, выходил в сад, поливая цветы, копался на огороде. Тем временем жена готовила кофе. Выпив чашечку и накинув пиджак, Мустафа отправлялся на работу.

Трудился он много, упорно, не любил пустой болтовни; у него не было приятелей. «С таким не пологкуешь», — говорили соседи, — на каждом слове он спотыкается. А Мустафа, знай, делал свое дело. Был он спажником. Долго

работал подмастерьем, но, отказывая себе во всем, скопил денег и открыл маленькую мастерскую. Сам и за хозяйня и за работника. Правда, больше занимался починкой, чем шил новую обувь, но дело знал хорошо.

Война принесла с собой страх. Конечно, не дело сидеть сложа руки, когда итальянцы у родного порога. Но мыслить ли бороться с такой огромной страной? Он боялся за детей, за мастерскую, за дом. В те времена, в начале войны, вставал по утрам с трепетом в сердце: не вползла ли через какую-нибудь щель дурная весть в дом? Никого он не трогает, занимается своим делом.

Но война наконец прошла, и даже на лице Мустафы стала появляться улыбка. Еще был ли доволен, что победил партизаны. Ведь кто они? Свои же мальчишки. На его глазах колабали и играли в соседских садах. Все хорошо! Не будет войны — каждый займется делом. Говорили, что народ взял власть в свои руки. Хотя смысл этих слов был ему не совсем ясно, Мустафа понимал, что произошли какие-то важные перемены.

Он по-прежнему стучал в утра

до вечера молотком, ухаживал за садом, крошил табак. Но на душе стало куда веселее.

А жизнь шла. Дочка Мюзеен выросла, стала невестой. Отец был доволен ею. Кончи семилетку, Мюзеен несколько лет провела все глаза, отец не позволил дальше учиться. Дочка любила работу, как мать: скребла поля до того, что они бегтели, словно натертые воском; в кастрюли, которые она чистила, можно было смотреть.

Живой и веселый нрав дочери радовал отцовское сердце. Но время шло, и Мустафа стал замечать, что Мюзеен часто выходит в сад, туда, где растет сливовое дерево, и подперев голову руками, задумчиво смотрит вдаль. Глаза ее, нежные и мягкие, как у матери, когда та была молодой, стали темнее, глубже, словно от затеянного гора.

«Что ее мучает?» — думал отец. Но ответа найти не мог.

А в один прекрасный день дочь сама пришла к Мустафе и сказала, что едет вместе с подружками на фельдшерские курсы в Тирану. Так больше не может продолжаться, она не хочет отставать

СОВРЕМЕННАЯ ДРАМА

ИЛИ

«СЕРЕБРЯНЫЕ КОНЬКИ»?

Роман о молодежи и для молодежи. Первый роман известного драматурга, много и плодотворно работающего на театре. Роман с «важелятельными» названием. А в нем и первая любовь, и первая работа, и становление характера, и разное отношение к жизни, и проблемы личные, и проблемы воспитания, место человека в жизни, и проблемы производственные... Как нужна такая книга, как ждет ее молодой читатель!

Но вот книга прочитана. Сюжет «раскрутился», уложили герои, автор высказался. Что вынес читатель от общения с героями и автором, чему они его научили, в чем убедили, чем помогла читателю только что прочитанная книга?

Форма романа несколько необычна — это своеобразный лирический роман. Читатель все время чувствует внимательную и добрую руку автора, его глазами смотрит на все происходящее вокруг. Автор показывает как с додонским казком нескоструйничком Володышкой и милой москвичкой Ирочкой, со старым большим пенсионером Иваном Боровичем, его суженой и суженой супругой Ниной Петровной. Это он помог нам разгадать, что представляют собой «корявые» дядя Дема, преувеличивший Рогик и его благополучная мамаша домохозяйка Елена Васильевна. Автора узнаем мы и в блистательном «погодонском» диалоге, умении с удивительной лаконичностью и точностью создать подлинное ощущение современности происходящего. Одним словом, лирический герой — автор — играет в повествовании далеко не последнюю роль. Поэтому оправдан в романе подробные авторские объяснения происходящего

в душе героев, некоторая, так сказать, «сенарность» изложения. Это книга о том, как молодой человек, только вступающий в жизнь, сталкивается с настоящим жизненным ией, как учится отличать настоящее от мнимого, о том, как это не всегда бывает просто, потому что мнимое подчас ловко рядится в привлекательные одежды. Одним словом, автор задумывал серьезный и значительный разговор о жизни.

Вчерашняя школьница Ирочка подружилась с молодым рабочим Володышкой. Ей не нравится его «неотесанность»: не умеет выбирать костюм, носить галстук, не умеет читать газету, легко и свободно разговорив на любую тему; не умеет очень многого. Но есть в Володышке нечто настоящее, привлекающее Ирочку, что-то, чего она не смогла бы объяснить, но к чему тянется инстинктивно. Но вот попадает на ее пути великолепный, блистательный Рогик — не то дипломат, не то спортсмен или то и другое вместе, красавец мужчина, умеющий все, чему Володышка, наверно, и не сможет научиться. И Ирочке кажется: вот о таком она всю жизнь и мечтала! Но Рогик «разбачкает» себя. Ирочка тяжело заболевает, ее с трудом удается спасти. Очевидно, она поняла истинную цену таким, как Рогик, поняла, что великолепный красавец может оказаться ничтожеством. «Очевидно» потому, что автор прямо не говорит ничего о том, «поняла» Ирочка эту нехитрую мысль или «не поняла», — очевидно, поняла. Во всяком случае, к этому и сводится основной сюжетный узел романа. Но что самое удивительно: не только сюжетный узел, все содержание романа укладывается, по существу, в эту схему.

Вот так в представлении автора живут сегодня юности и девушки, в таких конфликтах мужают и формируются их характеры, именно такие первоначальные проблемы стоят сегодня перед юностью. Но здесь начинается полное насоегласие с лирическим героем романа «Янтариное ожерелье». Несогласие принципиальное, которое не объяснимо несовершенством произведения. Скорее, дело в другом. Несколько облегченным представлением автора о молодых людях — его современниках — и о жизни, которую они ведут, объясняется и художественная слабость романа.

В чем тут дело? Почему талантливы, чуткий к современности писатель, обратившись к молодежной теме, только скользя по поверхности, даже не пытаясь заглянуть вглубь, сущность и первопричину происходящего? Почему «Человек с ружьем» и «Мой друг» выразили существенные черты времени, стали драмами жизни, а «Янтариное ожерелье» — всего лишь еще одной книгой о молодежи? Может быть, дело прежде всего в «масштабе» поэтической мысли автора? Человек с ружьем, Тай — и... янтариное ожерелье. Судьбы революции и страны, просматриваемые в конкретных биографиях определенных людей-характеров, и банальная история того, как молоденькая девушка по душевной неопытности отдала предпочтение импозантной внешности перед настоящим и человеком? Думается, что дело не в этом.

«Масштаб» поэтической мысли произведения измерится не «весомостью», не «значительностью» сюжета. Ведь и «маленькая» история любви Гурова и «дам с собачкой» стала проникновенным рассказом о человеке и о време-

ни. Одним словом, банальность, «незначительность» сюжета сами по себе не могут помешать созданию своеобразного, страстного произведения о современности, в котором через конкретную «маленькую» жизнь отдельного человека читатель сможет увидеть и познать время со всей его сложностью. Именно внимание писателя к судьбе конкретного героя, точный психологический анализ его частной биографии делают произведение современным в своем высоком и точном смысле этого слова... Но автор «Янтариное ожерелье» и не пытаясь вырваться из рамок банального сюжета, философия романа ограничивается утверждением морали: сущность человека не определяется покоем его пиджака. Мало того, подробно и обстоятельно объясняя, что чувствуешь и о чем думаешь его герои в самый серьезный момент, к которому все сюжет романа стремится, — в ответ его кульминация, — автор неожиданно заявляет: «Можно было бы подробно рассказать о том, как Ирочка тяжело болела, о чем она передумала; можно было бы подробно рассказать о том, как произошло крупнее «миллозии»; как она постигла что-то очень важное, но... автор этого не делает. Только намекает! А ведь в этом суть романа. Здесь уже нельзя было бы ограничиться поверхностными, схематическим решением конфликта. Пришлось бы сказать о судьбе характеров, сказать, почему именно таким стали герои, почему так, а не иначе совершают они свои поступки. Но... писатель ставит многообразие, не хочет говорить о самом главном.

Но при этом несерьезным «прозрачным» Ирочка может лишь черпать замес романа — конфликт между настоящим и мнимым? Вот автор ведет нас по производственной линии конвейера. В бригаде, в которую устроил Ирочку Володышка, действуют свои «штрафнальные» законы. Бригадир собирает со всех рабочих «дашь» — по полсотни с каждой полочки. И все ему эту валютку дают — так заведено! — и не видят в этом ничего зазорного: привыкли. Ирочка, повзвумавшись, тоже примирится к этому.

Сорокище БАСИИ

С. ЮРАСОВ
НЕ ОНА!

Услышав собственное эхо,
Сорока чуть не уперла от смеха
И с важностью сказала в тишину:
— Подравняй бы язык
тамку болтуну!

П. Аглицкий,
Таштентинской области.

Рисунки И. Бронникова.

Р. КИРЕЕВ
СЕРДЕБОЛЬНЫЕ КУРЫ

От сучки некий пилыш Пес
Куритин в пух и прах разнес.
Его б судить за хулиганство,
За свиньяриванье и за пьянство,
Но Куры — вот ведь чудеса! —
Вдруг на поруки взяли Пса.

Г. Симферополь.

В. ДОЛГИН
ЯБЛОЧКО И ЯБЛОНЬКА

Свенья, все ошестившись со зла,
Напала на учительн Копила:
— Куда вы смотрите!
Мой сын от рук отбыл!
Он у кого-то в школе
хрюкает научился.

Г. Жданов.

И. МЕРСОН
ПЕРЕСТРАХОВЩИК

Писал он в тезисках тогда:
«С религиозной борются надо».
Что «пропаганда атеизма»
Участок важный и большой,
Тут не должно быть формализма,
Тут нужно действовать с душой».
Но, присладовавшись немного,
«С душой» решил он замечривать:
В религиозности ведь могут
За это слово упренуться...

Г. Москва.

Для ее, полюбившейся была... ничего не может сделать. Но однажды Володька, безропото подчинившийся прежде этому написанному «закону», вступился. Договорился с остальными членами бригады — в ладе Девы платить «даришь» расходы. Конфликт разрешился благополучно. Причем все легковесность и случайность этого конфликта и его разрешения подтверждают то, что к жизни героя романа все это глубоко отголоски не имеет, что писатель и не пытался взглянуть в существо происходящего, а только слышал его как сюжетную нитку.

Зачем пошла Ирочка в «пескоструйку» бригаду? Да ее Иван Егорович, бывавший Володька да и сам автор прекрасно понимают, что смысла в этом никакого нет. (Зачем же Ирочка на эту гранулу, лишнюю в персонаже, — это Иван Егорович: «Не тебе это дело, Ирочка!» — это Володька; сам автор не говорит об этом прямо, но он понимает, что не стоило кончать десятку классов, чтобы идти на подсобку работу равнообразим.) Да и Ирочка идет в бригаду просто так — показывает характер. А потом решает: хватит, больше она не пойдет, надоело. («Ирочка смотрела на эту свою работу, как на известный этап, чтобы пручиться к рабочей среде!») Причем обо всем этом барский-снохобителю отношения прелестной школьницы к «рабочей среде» говорится так: «Ирочка не раскаялась в том, что она так зрелая! Девушка шлет таким образом место в жизни! Автор пытается даже убедить нас в том, что с его героиней произойдет действительно драматическое событие! Выеди они, эти кривые пороги жизни, на которых так часто спотыкаются и падают! То что удивлялись, что Ирочка остается чужой в коллективе пескоструйщиков? Да и в жизни на нее работа никакого не оказывает.

Каждая же, в рабочей бригаде, среди простых и хороших ребят, должна была Ирочка научиться элементарной истине: не стоит мять и дела с хляпком в хорошо шитом костюме, тем больше не стоит предпочитать его

Володьке — настоящему человеку, хити и «трудному» характеру. Если бы Ирочка «научилась» в бригаде хоть этому, в ее трудовой деятельности был бы какой-то смысл, оправдываемый по крайней мере смежной необходимостью. Но и этого не случилось. Ирочка, следуя заданной схеме автора, отправилась на неужную ей работу, подружилась с хорошим парнем, потом влюбилась в плохого, бросила работу, пошла своею ошибкой, заболела и выдохнула и, наконец, уехала куда-то на восток («Она ведь с идеями», — говорит Иван Егорович). Причем смысла в последнем ее решении, очевидно, не было, чени и желания пойти работать в «пескоструйную» бригаду. Во всяком случае, на существование Ироочкиных «идей» автор не останавливается. Да и были ли у нее идеи, что-нибудь, кроме мечтаний о любви в рабочей среде? Где же обещанный нам серьезный разговор о выборе молодым человеком пути в жизни?

Роман называется «Янтариное ожерелье». Выше мыклет, название скрывает разгадку существа произведения? Книга начинается со сценки Ирочкиного новеллы. Дядя подарил ей по этому поводу янтариное ожерелье, и день новеллы стал для нее «самым счастливым в ее жизни». С этого романа начинается ее путешествие по стране Володька, сияя радостным, чистым, юным волшебством», уверяет Ивана Егоровича, что непременно разыщет Ирочку в Сибири и отдаст оставленное ей любимое ожерелье. Иван Егорович верит, что он действительно ответит и отдаст. Это последнее, заключительные слова романа. Янтариное ожерелье персонажируется в некий символ счастья и восторга. Старый членки Иван Егорович дарит его любимой племяннице; молодой рабочий, чудесный парень Володька повезет ожерелье далеко в Сибирь. Но ведь это «смешливое» стилист, придуманная «девушка» по существу, безусловная, уместная в какой-нибудь романтичной сказочке, никакого отношения не имеет к жизни реально существующих Володьки и Ирочки. «Деталь», вокруг которой накручивается философия романа, не может «работать» на его идею: она ничего не выражает.

Читатель далек от того, чтобы относиться к «предметам роскоши» ханжески. Какая девушка в двадцатидесяти лет не вскрикнет от восторга, получив такой подарок! Но ведь на протяжении всего романа, как только речь заходит об янтарином ожерелье, разговор становится особенно значительным. День, в который Ирочка получает это необыкновенный подарок, становится «самым счастливым в жизни». Старый большевик доверяет это золотополное ожерелье как некую атачку полюбившему ему рабочему пареньку...

Одним словом, прелестное украшение приобретает характер некоего символа и возвышенногоноскаания... Что же это: современный роман о наших современниках или некие «Серебряные коньки» — придуманная (хоть и очаровательная) книто о придуманных детях в придуманной стране? А ведь современные нам юноши и девушки и любят, и ошибаются в любви, и порой не сразу находят свою работу — свое дело в жизни. Девушки мечтают о красивых украшениях, а влюбленные в них парни эти украшения им дарят. Порой все это приводит к некоторым конфликтам и жизненным осложнениям. И все это верно. Дело только в том, что писатель, задумавший роман о молодежи, не должен ограничиваться рассказом о всех этих достоверных, но таких несущественных, ничего не определяющих «конфликтах» и ситуациях. Задача его в другом: сказать о существе жизни современных нам юношей и девушек, об их действительных радостях, действительных бедах. Нельзя же принимать всерьез трогательную историю янтариного ожерелья за рассказ о счастье современной девушки, нельзя же считать историю ее легкого увлечения блистательным путешелью и ее столь же легкого в нем разочарование — современной драмой...

Ф. СВЕТОВ

История одного снимка

Эта пометленная от времени фотография хранится в семейном альбоме тереда по плаванию Леонида Александровича Спендиарова, сына известного армянского композитора. От него я узнал, что снимок сделан в Феодосии в 1898 году и что на нем запечатлен Иван Константинович Авазовский с ребенком на руках.

— Мой дед был племянником Авазовского, и знаменитый русский художник-маринист часто бывал у него в гостях, — сказал мне Леонид Александрович. — Впрочем, и мой отец хорошо помнит Ивана Константиновича. Вот читайте...

То был отрывок из биографии Александра Афанасьевича Спендиарова, подлинник которой, как я узнал позже, хранится в Государственном музее Армении. Я прочитал следующее: «...Едва ли не трехлетнего возраста я стал вешивать из бумаги, без всяких инструментов, различные животных и птиц — и помню, как и теперь, как в мои дни, юным издательским из бумаги очень заинтересовались художник И. К. Авазовский, взявший с собой несколько экземпляров моих бумажных животных и птиц для демонстрации их в Анаде».

Леониду Александровичу Спендиарову удалось установить, что ребенок, запечатленный на фотографии, — это внук Авазовского, ставший впоследствии одним из первых русских летчиков.

В. ЧЕЛЫШЕВ,
доцент Шахтинского политехникума

Е. ГАЙ

Бросил он МАИ вначале.
После — Горный, там — Зубной
ост расстался без печальки
Со студенческой снамлей,
Маку там по свету,
Перелал профессии сто,
Отвергал то и это,
Одурал, с нем вместе рос он,
Ничего ему не ново:
Пинксо, Деманер,
Маку там простой норовы
Налуу не видел он,
И дурал, с нем вместе рос он,
Ничего ему не ново:
Отвечает на вопросы
Насмехом: «Ат Ину!»
Хоть туманы эти речи,
Тут заглядю, в общем, нет,
Просто шепчу, где полечка,
Лоботряс в расчете лет.

В. ЛИФШИЦ

БОГАТЫРЬ

Посмотрите: парень бравый,
Мускул пучится горой.
На него взглянул, по праву
Мне стеснялся вот героинь!
Жизнь препарна. Мир огромно,
Дел и стариков, и детей,
Хот, другал, ты не отступай,
Хот же он? Странствуй домон?
Торка? Каменщик? Пилот?
Хот, другал, ты не отступай,
И пытайся сотню раз,
Угадае едва ли...
И нечаянность парня — газ.
Газ Отлучил! Значит, тинет
летное из гербов-розводил,
И по трубаи — день истанет —
Газ и трудничение пойдат?
Ибо пареи не угадил,
Газ парень молодой
Днем торгует на восток...
Газоморванной ниткой,
«Очень прибыльное дело...»
Залетала в это тело
Питачева душа!

Машка, которой тысячи лет

Этот кусочек янтара я нашел на берегу Балтийского моря, недалеко от города Моонзунда. Многие из вас вы видите на снимке, миллионы лет назад уехала в северные районы древнейшей Сибири и оманелась вместе с ней. Недавно во время штурма мореда я вырыл осколки оманевшей кусочек смолы, сверкнувшей во мне, мне дала мне и кинуть его посланца из тьмы веков.

А. КРЫЛОВ
фото автора

(ЮМОРЕСКА)

Времена меняются, и мы вместе с ними. Это древнее латинское изречение осталось до сих пор живым и мудрым.

Александр Николаевич Варламов еще в юности был избран в члены. Он был прекрасным кандидатом технических наук, защитил диссертацию на степень кандидата технических наук, стал доцентом института, потом защитил докторскую диссертацию, получил кафедру, а вскоре его назначили директором института.

Вот тогда судьба и выпустила из бархатных лав свои страшные когти. Директору ни на минуту не давали покоя любящие мамы. Они приносили рекомендательные письма от видных научных и общественных деятелей, ссылаясь на эти письма проглатывали уклады своих голосов и превращали бриллианты в слезинки.

Ах, эти кружевные платочки, которые так грациозно принимали мамы. Бедного Александра Николаевича! Не мог же он в ответ на их слезные просьбы вынуть платок и утереть влажные глаза! Дело известное — дорогие мамы хлопотали за своих дорогих детей, которые должны быть приняты в институт вопреки трояким в аттестате, вопреки провалу на вступительных экзаменах, вопреки слабой известности.

Варламов не сделал ни одной поправки. Но чего это ему стоило! Он стал блаженно хухатать, повисавший галлюцинации, обнаружившись защитил магистерскую диссертацию.

Собственно говоря, можно ли это назвать мажорной, если несчастного директора повели в коридорах, перехватывали на лестнице и, как эстафету, передавали от мамы к маме до самой мажоры.

Были попытки лаяться и Варламову на дом, но их в норме пресекла Валентина Ариадновна, решительная и малоуступительная супруга директора. Она не советовала шуму.

Для распоряжения секретарше не принимать этих дорогих мам.

— Не могу.
— Почему что это будет не демократично.

— Тогда погубил от инфаркта — трагический диагноз мажора. И пытка продолжалась.

Однажды, отказав одной маме, Александр Николаевич выглянул из кабинета в приемную и, увидев, что там дождиком, в очереди еще десять мам, зашатался. Ему стало так плохо, что пришлось вызвать неотложку.

Врач предписал Варламову постельный режим на несколько дней и победил.

— Будем ходатайствовать, чтобы от поста директора вас освободили.

болды. Ведь вы профессор, вот и занимаетесь.

— Это не выхожд.

— Почему?

— Мамы и с профессорами ходят.

— Какую?

— В конце концов я неплохой инженер. Прошу вас, помогите мне вернуться на завод.

— Просьба Варламова была удовлетворена. Его послали на один из лучших московских заводов, причем не инженером, а директором.

Прошел год, Александр Николаевич снова пополнил ряды. Защитил диссертацию, получил кафедру, а вскоре его назначили директором института.

И вдруг — судьба вторично выпустила свои когти. Не зря же в начале этого рассказа мы упоминали латинское изречение. Никуда от него в жизни не денешься — времена действительно меняются.

Рисунки К. Борисова.

Дорогие мамы переменили курс: из приемных директоров институтов они ринулись в приемные директоров заводов. Уж если после эстафетного слона или дочка, не попав в вуз, и должны пойти на завод, так пусть поступают на самых лучших заводах.

Страдания Александра Николаевича возобновились с новой силой. Иногда, выходящая из своего кабинета в приемную, он обращался с немой мольбой и омраченным пожеланием, уже пригвожившим свои знаменитые кружевные платочки.

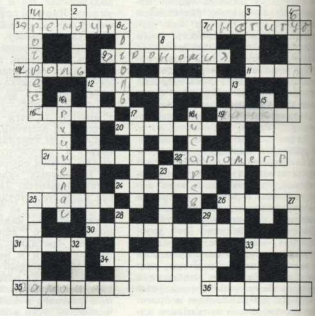
— Дорогие мамы, вы и здесь настигли меня... Умоляю, пощадите!..

Автор должен признаться читателям, что его сердце тоже не в меру чувствительно и поэтому вынужден в этом месте поставить точку.

КРОССВОРД

Составил А. ИВАНОВ

(Московская область)

По горизонтали:

По вертикали:

- Советский писатель, член бюро Всемирного Совета Мира. 7. Высшее учебное заведение. 8. Наука о сельском хозяйстве. 10. Стиль повествования. 11. Соединение Южного неба. 12. Старинный подмосковный город. 16. Почетный титул в Англии. 19. Предмет изучения, посвящения. 20. Русский путешественник, совершивший ряд экспедиций в Восток и Монголию. 21. Маршал Советского Союза. 22. Прибор для астрономической записи астрономического дальности. 24. Действующее лицо в романе «Взгля в путь» Г. Николаевой. 25. Девушка-официантка в Древней Руси. 26. Союз у римлян и греков. 30. Наука о монетах, металлах как памятниках культуры. 31. Персонаж пьесы М. Горького «На дне». 33. Вид хореографической литературы. 34. Поэтесса А. Бойченко из земли номосомы Украины. 35. Летательный аппарат. 36. Видная личность. 37. Соединение, коррозия. 38. Персонаж пьесы М. Горького «На дне». 39. Вид хореографической литературы. 40. Поэтесса А. Бойченко из земли номосомы Украины. 35. Летательный аппарат. 36. Видная личность.

Рисунки Э. Успенского и В. Зименкова.

Первая страница обложки: Фотохуд Л. Устинов. Четвертая страница обложки: На атлантах. Фото М. Муразова.

ПИШИТЕ НАМ ПО АДРЕСУ:

Москва, Д-47, 1-я улица Ямского поля, 26.

ЗВОНИТЕ ПО ТЕЛЕФОНАМ:

Секретариат — Д 3-34-24. Отделы: литературы и искусства — Д 3-35-24, очерка и публицистики, юмора и сатиры — Д 3-31-68, науки и техники, спорта — Д 3-38-82, международной жизни, информации — Д 3-36-90, писем — Д 3-31-69, оформления — Д 3-34-22.

Главный редактор А. В. Никонов.

Редактеры: М. Н. Алексеев, С. В. Егоров [ответственный секретарь], В. А. Кочетов, В. Д. Николаев [заместитель главного редактора], Е. И. Рябчиков, А. А. Сосни, С. С. Спасский, Б. И. Степанов.

Рисунки не возвращаются.

Оформление В. Соколова.

Технический редактор А. Ерасов.

А 05983. Подписано в печать 14/VI—60. Литография 800 000 экз. Изд. № 978. Заказ 1538. Формат бумаги 70x108/8. 2,25 л. а.—6,17 п. л.

Одесса Ленинград типография газет «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

РИСУНКИ А.САМОЙЛОВА
ТЕКСТ ЭКРОТКОГО

Нетипичные типичные

Сивернослов

Ругатель, Грубиян, Пережиток былого —
Ходячий журнал «Непечатное слово».

Светский парень

Я б не писал с него портрета!
Лицо без мысли, Модный бант,
Бокал портувейна, Сигарета,
И все! Ну чем не светский франт?

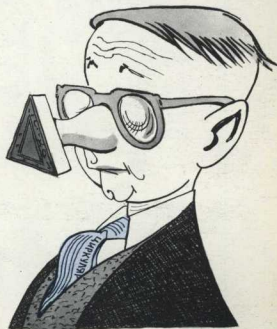
«Сердце красавицы»

Не сердце, а сумка огромных размеров,
И в сумке сердечной не счесть кавалеров!

Болтун

Он «илгнется», «обещает»,
«Подтверждает», «заверяет»...
Заверяли болтуна
Грош без малого цена!

Цена номера
2 руб.

